Брат Солнце

27 2013

в номере:

- 20-летие возвращения францисканцев в Россию
- Тишина. Молчание. Молитва
- Евхаристия в ранних францисканских источниках
- Почитание в России св. Антония Падуанского

Брат Солнце

27 ✺ 2013

Брат Солнце – это образ из «Песни хвалы Богу в творениях» святого Франциска, называемой также «Гимном брату Солнцу». Весной 1225 года, после тяжелой ночи страданий в монастыре Св. Дамиана в Ассизи, в сердце больного, почти ослепшего Франциска родилась эта полная жизни и радости песня хвалы, ставшая известной и любимой во всем мире. «Ассизская компиляция» передает слова Франциска, сказанные после создания «Песни хвалы Богу в творениях»: «Мы все – как слепые, и Господь освещает наши очи посредством этих Своих творений. За эти и все другие творения, которыми мы пользуемся каждый день, мы должны особым образом хвалить Самого нашего преславного Творца» (Compilatio Assisiensis, 83).

Читайте в номере:

СОБЫТИЕ

Черняховск: двадцать лет спустя 2

ИСТОКИ

Мирослав Подымняк OFMConv

Евхаристия в ранних францисканских источниках 12

ПУТЬ ВЕРЫ

Павла Бобэр MSF

Смирение: путь к Богу и путь к себе 25

С БОГОМ НАЕДИНЕ

Андрей Буко OFMConv

Тишина. Молчание. Молитва 32

СВЯТОЙ АНТОНИЙ ПАДУАНСКИЙ

Станислав Козлов-Струтинский

Почитание в России святого Антония Падуанского 36

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Свящ. Бронислав Чаплицкий

История католической монашеской жизни в России 42

Святые Францисканского Ордена мирян 57

ЗА СВЯТЫМ ФРАНЦИСКОМ

Михал Грушка OFMConv

«Мой путь — это интересное приключение» 51

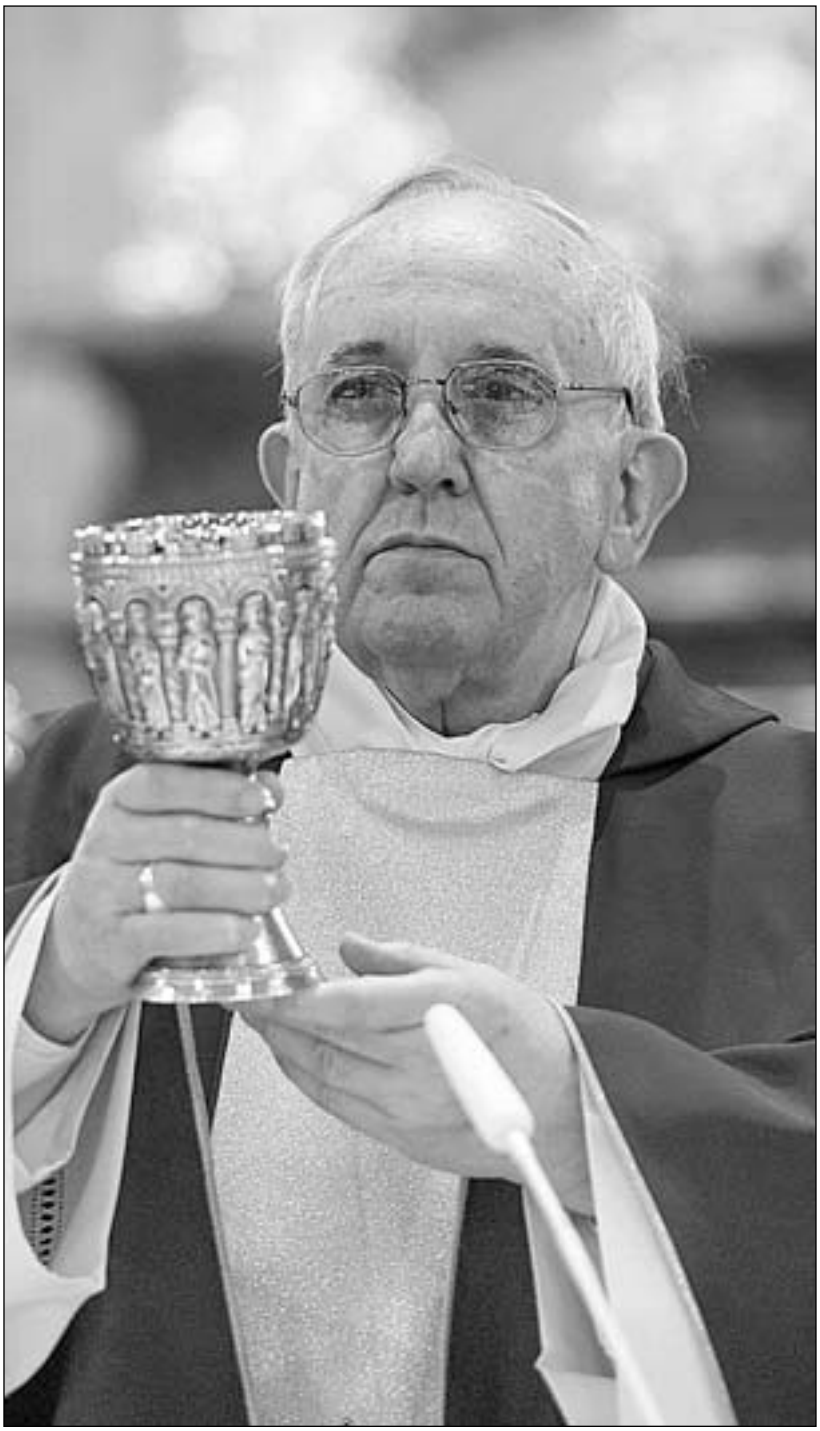
Сестра Джемма: «Мы живем братством» 55

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Жан Леклерк

«Святой Бернард и дух цистерцианцев» 62

«Так давайте же беречь Христа в нашей жизни, чтобы беречь других, чтобы беречь Творение!»



«Хранить всё Творение, красоту Творения, как об этом говорится в Книге Бытия и как показал это нам святой Франциск Ассизский, – это означает уважать каждое творение Божие и окружающий мир, в котором мы живем.

Это означает защищать людей, заботиться обо всех, о каждом человеке с любовью, а особенно заботиться о детях, стариках, самых слабых, на кого обычно не обращают внимания.

Это означает заботиться друг о друге в семье: супруги бережно относятся друг к другу, в качестве родителей заботятся о детях, а со временем дети становятся попечителями своих родителей.

Это означает искренне дружить, то есть беречь друг друга с доверием, уважением и желанием подлинного блага.

В конечном счете, всё вверено попечению человека, и эта ответственность лежит на всех нас. Будьте же верными хранителями даров Божиих!..

Я хотел бы попросить всех, кто занимает ответственные посты в экономике, политике и общественной жизни, всех людей доброй воли: давайте будем «опекунами» Творения, замысла Божия, вписанного в природу, в окружающий мир! Не позволим знакам разрушения и смерти стать вехами на пути нашего мира!»

Папа Франциск
(Из проповеди во время инаугурационной Мессы 19 марта 2013 года)

Черняховск: двадцать лет спустя

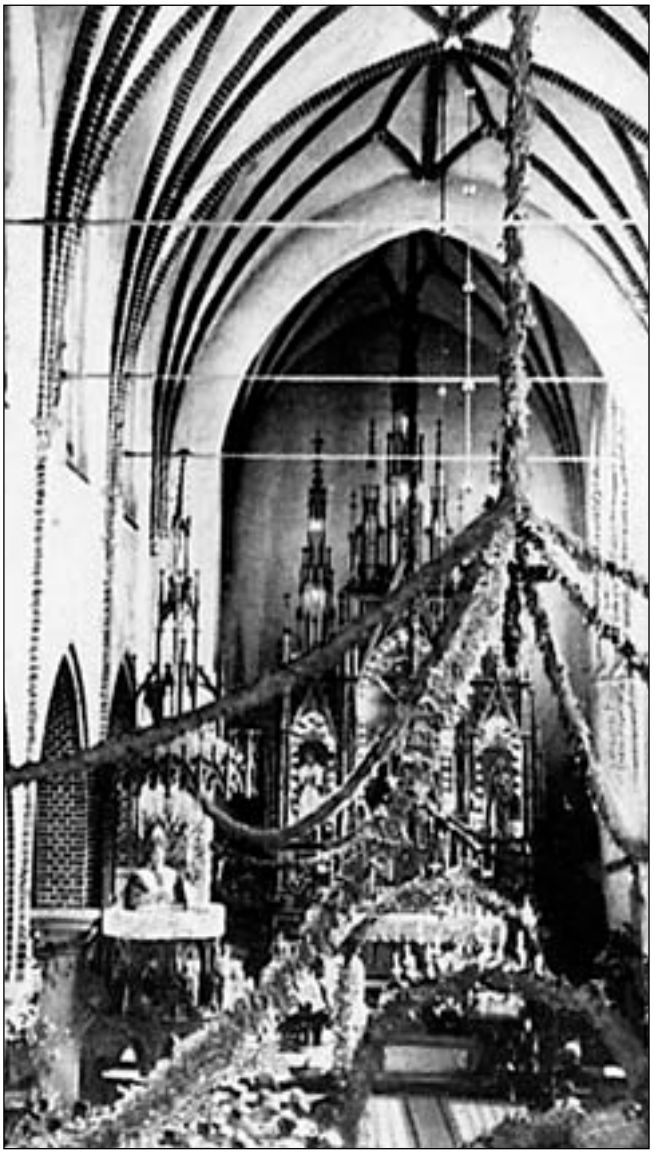
В Год веры мы вместе с братьями-францисканцами отмечаем 20-летие возвращения Ордена Францисканцев на российскую землю. 20 апреля 2013 года в Черняховске Калининградской области началось празднование этого юбилея, продолжение ожидается в сентябре в Москве и Санкт-Петербурге.

«Мы празднуем именно возвращение францисканцев в Россию, потому что наш Орден имеет в России очень древнюю, хотя и не непрерывную историю, – говорит о. Николай Дубинин, кустод Российской Генеральной Кустодии святого Франциска. – Начинается эта история в 1245 году. Об этом не все знают, что, впрочем, касается и истории всей Католической Церкви в России. Иногда приходится встречаться с таким мнением, что Католическая Церковь возникла в нашей стране чуть более двадцати лет назад и что это нечто нетрадиционное. Это неправда. Католичество начинает свою историю в России фактически с момента крещения Руси.

Если мы вспомним миссию к монголо-татарскому хану в 1245 году, организованную Папой Римским, то этот факт будет известен уже более широкому кругу людей. Но наверняка лишь небольшой процент из этих людей вспомнят, или вообще знают, что это была миссия францисканцев. Братья нашего Ордена не только прошли по земле нынешней России, но и основали здесь свои обители, орденские структуры уже в середине XIII века.

В частности, в Поволжье существовала Сарайская кустодия, а в конце XIII–XIV вв. наши братья активно включились в миссию евангелизации на Северном Кавказе и в Закавказье. Об этом свидетельствуют документы, сохранившиеся в архивах.

К сожалению, история Ордена, как я уже сказал, не имела непрерывного развития. Несколько раз складывались драматические обстоятельства, в результате которых Орден прекращал свое существование, но он постоянно возрождался. Здесь можно вспомнить не слишком долгое, но плодотворное пребывание нашего собрата в Москве в XVIII веке (точно его имя не установлено). Он отвечал за католическую миссию, служил в храме Св. Людовика. Следует вспомнить и капеллана итальянских архитекторов в Петербурге в начале XIX века – Французского священника-францисканца Гийома Кийо. И принадлежавший Литовской провин-



Храм Св. Бруно Кверфуртского в Черняховске. Построен в 1902 году по проекту Ф. Хайтмана.

ции монастырь в Сокольниках на территории Псковской области, не говоря уже о более древних монастырях Саксонской провинции на территории нынешней Калининградской области, монастырь в Выборге.

К сожалению, на сегодняшний день нет достаточных исследований о том, как сложилась история этих монастырей после разделения Ордена францисканцев и в эпоху Реформации.

Самый известный – это монастырь в Сокольниках, о нем есть исследования (в журнале «Брат Солнце» была опубликована статья о нем). Отдельные братья-францисканцы работали капелланами в царской армии. В настоящее время мы продолжаем восстанавливать историю нашего Ордена в России.

Очень драматичным для Ордена было советское время. В приходах на территории СССР работали четыре конвентуальных францисканца. Один из них служил в Вильнюсе, до этого побывав в ссылке в Сибири. Второй работал во Львове, третий был в Гродно, а четвертый – Одорик Бень – в Средней Азии, но ездил также и по российским приходам.

В 1993 году наша миссия тоже не началась с нуля – сюда приехали работать францисканцы из польских провинций, которые являются наследницами старых провинций Ордена. То есть мы не начинаем с начала, а говорим о возвращении в Россию.

Для нас это важно. Мы считаем себя наследниками всей этой богатой и непростой истории».

* * *

В 1993 году в Черняховск для работы в храме Святого Бруно Кверфуртского по приглашению архиепископа Тадеуша Кондрусевича прибыл первый францисканец – о. Чеслав Козел. Это событие стало начальной точкой возвращения Ордена францисканцев на российскую землю.

Назначение о. Чеслава на должность настоятеля прихода. 1993

Паломничество

Паломничество вначале задумывали начать от Георгиевского замка (бывшего замка епископа), что символизировало бы связь времен. Ведь двадцать лет назад францисканцы начали свое служение здесь не просто с чистого листа. Оно стало продолжением той христианизации, которую Церковь на протяжение веков осуществляла на этих землях. Однако из-за незавершенного ремонта моста начальную точку паломничества пришлось перенести на площадь, располагающуюся на месте старого центра города. Здесь стоял один из старейших лютеранских храмов Черняховска, позже его снесли.

В паломничестве приняли участие около ста семидесяти человек: представители католических приходов Калининградской области вместе со священниками и монашествующими из Калининграда, Нестерова, Озерска, Гусева, Советска, Гвардейска, Пионерского; братья-францисканцы Российской Кустодии Святого Франциска, прихожане черняховского прихода Св. Бруно, представители городской администрации, гости из Москвы и других городов. Все они приехали, чтобы отметить 20-летие возвращения францисканцев и восстановления приходских структур в общине верующих Католической Церкви г. Черняховска.

В чем смысл любого паломничества? Это прообраз пути к Богу. Это благодарение и воспоминание – за те чудесные дела и благословения, которыми Господь наделил нас в прошлом. Это взгляд в будущее с надеждой и молитвой – принесение Богу в дар всей своей жизни, замыслов, просьб...

Паломники выходят в путь с молитвой Розария. У храма Святого Бруно их ждет митрополит Тадеуш Кондрусевич. Он должен был идти вместе со всеми, но задержался в пути. Как кто-то заметил, провиденциально задержался. Потому что сейчас то, что он встречает процессию у входа в храм, воспринимается глубоко символично: именно он в 1993 году встречал в Черняховске первых францисканцев и повторно освящал храм в 2001 году. Паломники входят в церковь, размышляя над тайной «Обретение отрока Иисуса в храме»...

Следующая часть праздничной программы – доклад «Из истории Католической Церкви в Калининградской области» прелата Ежи Стецкевича, непосредственно участвовавшего в возрождении прихода Св. Бруно. О. Ежи рассказывает о людях, принесших сюда христианскую веру:

«В X веке эта земля была известна как богатая и гостеприимная. Начало истории Католической Церкви здесь связано с миссией святого Адальберта Пражского (Войцеха). На том месте, где он высадился на берег, сейчас стоит памятный крест. Первая его встреча с пруссами была неудачной. Они ударили незнакомого пришельца веслом, изображение которого теперь присутствует на всех иконах святого. Удивленные епископскими одеждами, пруссы спросили Войцеха Адальберта: «Ты кто?» «Я славянин, – отвечал тот, – христианский епископ, прислан сюда польским королем Болеславом Храбрым, чтобы рассказать вам об Иисусе Христе, Который воскрес и хочет для вас спасения». Потом состоялась беседа Воцеха Адальберта с местными жрецами. Пруссы решили, что им не нужна новая вера. Войцеха Адальберта отправили обратно по морю вместе с его собратьями.

Прибыв со второй миссией в Пруссию, Войцех Адальберт и его спутники совершили Святую Мессу на месте языческого культа, за что на них донесли местным жрецам. Один из них, Сикл, предложил обсудить все, но во время переговоров убил Войцеха Адальберта. Тело его продали польскому королю, потребовав от него золота по весу убитого. Могила Войцеха Адальберта находится в Гнезно, а мощи есть в храмах разных городов Европы. Его канонизация произошла достаточно быстро благодаря его другу – Бруно Кверфуртскому. Бруно мечтал быть таким же верным христианином, как Войцех Адальберт. Он говорил, что тоже хочет отдать жизнь за веру в Иисуса Христа, хотел нести Евангелие на восток. Св. Бруно сыграл важную роль в истории еще и потому, что лично общался со свидетелями гибели Войцеха Адальберта и сумел подготовить его житие. Первая миссия св. Бруно среди пруссов обратила в христианскую веру князя и его двор, но вскоре Бруно был убит на границе между Пруссией и Литвой.

Миссия св. Адальберта и св. Бруно была миссией мирной, они пришли с Евангелием, провозглашая Воскресение Христово. Кровь этих мучеников стала семенем укоренения христианской веры на землях Пруссии».

О. Ежи неторопливо продолжает свой рассказ, переходя из века в век, уважительно и отчетливо произнося имена тех, кто созидал Церковь на прусских землях... «Я в какой-то момент подумал – ну нельзя ли побыстрее рассказывать, ведь холодно в храме, – скажет позже один из прихожан. – Но о. Ежи с таким уважением произносил имена тех, кто свидетельствовал о христианской вере здесь, что уже и холод перестал мешать, так интересно стало слушать...»

* * *

В этот день торжественную Святую Мессу в храме Св. Бруно совершил митрополит Минско-Могилевский архиепископ Тадеуш Кондрусевич, ему сослужили епископ Щецинско-Каменьский Мариан Блажей Крушилович, Генеральный ассистент Ордена Братьев Меньших Конвентуальных по делам Восточной Европы о. Яцек Цюпиньски, братья Российской Генеральной Кустодии св. Франциска Ассизского, работающие в Черняховске, Москве, Калуге, Астрахани и Санкт-Петербурге, священники из приходов Калининградской области, участвовавшие в паломничестве.

Во время проповеди митрополит произнес такие слова:

«Через служение францисканцев Бог снова приходит к людям, живущим здесь. Благодарю за это служение и прошу у Бога благословения для братьев, чтобы

Изгнание св. Адальберта. Фрагмент алтаря XV в.

и дальше освящали людей и наполняли любовью Церковь». В ответном слове кустод Российской Генеральной Кустодии св. Франциска о. Николай Дубинин сказал, что францисканцы благодарны Богу за возможность «быть вписанными в историю христианства на этой земле с непростой и драматичной историей».

После Мессы состоялся концерт, подготовленный братьями-францисканцами, и общая трапеза во дворе храма. А в самом храме можно было ознакомиться с фотовыставкой, посвященной истории прихода и служению в нем францисканцев.

О. Вальдемар Мацкевич: «Помню, как падали снежинки на алтарь...»

В течение всего праздника было непросто найти момент, чтобы подойти к о. Вальдемару: он все время был окружен прихожанами, которые расспрашивали, вспоминали, радовались встрече... И все-таки, уже почти перед самым его отъездом, удалось выкроить полчаса на интервью.

Поделитесь, пожалуйста, своими впечатлениями, ведь в вашей жизни многое связано с приходом Св. Бруно...

Я приехал в Россию впервые в 1993 году, будучи дьяконом, на два месяца практики. В 1994 году был здесь рукоположен в священники и остался служить в Черняховске на восемь лет.

Конечно, все, что было впервые, не забывается. Первые впечатления, первые шаги, всему только учишься – и это оставляет неизгладимые впечатления. Поэтому мне всегда интересно возвращаться в Черняховск. Двадцать лет прошло – даже не верится. В эти дни я тоже вспоминал, как здесь все начиналось...

Рукоположение в священники о. Вальдемара Мацкевича. 1994

Вы сидели в храме, пели, молились и ждали, что кто-то придет? Об этом несколько раз говорили в своих воспоминаниях выступавшие...

Это уже немного похоже на легенду, как-то мистически звучит. Надо было открыть храм хотя бы за полчаса до службы. И вот я в это время играл на гитаре и пел религиозные песни. Хотелось дать людям возможность помолиться этими песнями, разбудить, скажем так, чувствительную сторону религиозности, пусть и не самую важную. И так вот я готовил людей к Святой Мессе.

Вам приходилось разыскивать католиков, или они как-то сами узнавали, что храм начал действовать?

В Черняховске уже существовала небольшая группа католиков. Мы давали объявления в популярной тогда газете «Полюс» на Пасху и на Рождество, многие находили нас благодаря им. Храм Св. Бруно находится в центре города, это тоже сыграло свою роль. Например, в какой-нибудь праздник католики проходят по центру города, видят, что храм открыт – узнают расписание месс, начинают сами ходить и другим сообщают... И потом, концерты классической музыки в храме устраивались, так что информация быстро распространялась.

Целенаправленно мы искали католиков в Гусеве, вот там я разыскивал их буквально на улице: подходил и спрашивал, не знает ли человек какого-нибудь поляка или литовца. Но вскоре мы нашли литовское общество и узнали, где они собираются в Гусеве. Я пошел на встречу, пригласил их на Мессу. Первая Месса (или это было просто богослужение, не помню) состоялась в зале, где встречалось литовское общество – около ста человек там собралось. Потом попросили местную лютеранскую общину, чтобы они разрешили нам служить у них в храме. Помню, на Вербное воскресенье пришло около пятидесяти человек, я служил на литовском. И Страсти читал на литовском, чтение в этот день очень длинное. А после Мессы оказалось, что среди собравшихся и поляки были...

Прихожане говорят, что храм буквально сделан руками о. Чеслава и вашими. То есть вам пришлось организовывать его восстановление?

В общем, да. Открытием храма и регистрацией прихода занимался о. Ежи Стецкевич вместе с прихожанами. А реставрацией храма – в основном о. Чеслав. В плане физической работы – я тоже, конечно. Но о. Чеслав искал средства, что было непросто, он ездил в Германию и Польшу для сбора пожертвований. В конце 80-х годов государство получило наш храм, где ранее был склад воинской одежды. Уже начали ремонт, чтобы превратить его в концертный зал... В 1991 году в Калининградскую область приехал о. Ежи Стецкевич и стал собирать католиков. Удалось договориться с администрацией о совместном использовании храма, а позже его полностью передали приходу.

Помню, когда я приехал, воры разрушили черепицу храма. И больше года вода и снег беспрепятственно попадали внутрь, окна тоже были не застеклены...

Но Мессы все равно совершали?

Да. Помню, как зимой 1993 года на Рождество было в храме: елки стоят, лампочка какая-то горит,

и снег летит через незаколоченные окна. Помню, как снежинки падают, падают на алтарь...

А если говорить о восстановлении прихода как общины – что вам больше всего запомнилось?

Сначала к нам приходили литовцы и поляки, но постепенно стали появляться и русские католики. И в самом начале был некоторый конфликт между языками и культурами. В 1993 году мы жили в Калининграде и на выходные приезжали в приход Св. Бруно в Черняховск. Однажды я написал проповедь на русском, но забыл проверенный текст в Калининграде. Я прочитал Евангелие и извинился перед прихожанами за то, что сейчас буду с ошибками по-русски проповедовать. И тут кто-то встает и говорит: «А мы и не хотим по-русски. Говорите по-польски, мы тут все понимаем». О. Чеслав тогда встал и говорит: «Здесь Россия, и наш архиепископ требует, чтобы мы служили по-русски». Но все-таки, в самом начале, ради блага людей и создания единства, мы шли на некоторый компромисс. И чередовали языки в чтениях и песнях: звучал и русский, и польский, и литовский.

Бывало и так, что мы с о. Чеславом пытаемся петь какой-то гимн по-русски, литовцы подпевают по-литовски, а поляки – по-польски. И это все происходит, как соревнование какое-то. И хотя у нас был микрофон, прихожане иногда пели громче. Надо было найти баланс и между праздниками: литовскими и польскими. Но, я думаю, в целом нам удалось сохранить единство прихода.

Были и другого рода недоразумения. Еще в 90-х годах в Литве оставались алтари, за которым священник служит спиной к народу. И люди, приходя в храм в Черняховске, где уже послесоборный алтарь, удивлялись и спрашивали, католическая ли у нас церковь.

Или придет какая-нибудь бабушка с польским дособорным молитвенником и говорит нам: «А у вас текст Мессы неправильный!» Или спорили, сколько пост должен длиться. Мы старались деликатно разговаривать с людьми, объяснять, что не все старинные традиции сохранились. Были и такие прихожане, которые монахов никогда не видели. Один раз о. Чеслав приехал в Нестеров, там община собиралась на квартире. Он был во францисканском хабите и совершал Мессу на русском языке. А раньше в этот приход приезжал священник из Литвы – в сутане, и все было по-литовски. Во время Мессы о. Чеслав слышит какой-то шум: половина прихода уходит! И даже как будто со скандалом уходит (но все возгласы – по-литовски). Потом хозяйка пояснила: они решили, что это какой-то сектант приехал! Потом, когда уже мы все объяснили людям, они вернулись и извинились.

Но в целом ситуация была напряженной, и нам приходилось быть очень гибкими и неформальными, чтобы сохранить общины.

И тогда в Нестерове мы стали совершать Мессу по-литовски (у меня есть литовские корни, и я знаю язык), в Черняховске – в разные дни на разных языках. И через год-другой люди уже как-то согласились: какая разница, на каком языке, давайте по-русски... То есть благодаря тому, что мы шли навстречу их просьбам, все как-то устроилось. Хотя элементы разных языков остались, и возможность исповеди на родном языке – тоже. Но главное – то, что люди хотели, чтобы был католический приход, и это в итоге помогло решить проблемы.

Вы написали икону св. Бруно, которая сейчас висит в храме...

Это скорее картина. Несмотря на то что наш храм посвящен св. Бруно, тут не было никакого изображения святого. А он ведь биограф св. Адальберта и был миссионером в Киевской Руси, то есть стоило формировать его почитание среди верующих. В Польше тоже нелегко найти изображение св. Бруно. Но мне удалось узнать, что в одном польском приходе, на границе с Калининградской областью, есть картина, изображающая святого. И на ее основе я и написал нашу картину.

Паломничество по улицам Черняховска к храму – это символ, образ чего-то?

Паломничество – это всегда напоминание о том, что мы в пути. Вся наша жизнь – это путь к Отчизне Небесной.

Пани Целина: «Каждый из настоятелей внес что-то особенное в нашу жизнь»

Пани Целина Михалькова – прихожанка прихода Св. Бруно с момента его возрождения. Первым делом она приглашает на экскурсию в школу, где преподает первоклашкам.

Школа располагается неподалеку от францисканского монастыря. Ее фасад имеет форму, близкую к полукругу, открытому к входящему. И поэтому школа похожа на птицу, которая распростерла крылья, чтобы обнять своих птенцов. О том, чтобы школа «обнимала учеников», как раз и заботился известный педагог Песталоцци, по проекту которого построено

здание. Да и внутри школы – необычное зрелище: коридор весь в зелени – кругом цветы и высокие растения в горшках. Песталоцци считал, что воспитание детей должно строится по «принципу природосообразности», поэтому и все классы в школе спроектированы так, что выходят на солнечную сторону, а административные помещения – на теневую.

Пани Целина преподает детям польский язык, ее программа называется «Весело по-польски». Классная комната такая яркая и дружелюбная, что уходить из нее не хочется: разноцветная мебель, специальные лаборатории для малышей, и даже – интерактивная доска. Это все стало возможным благодаря проекту «Образование» Министерства образования России. В процессе обучения много внимания уделяется экологии. Дети участвуют в программе «Хранители природы», учатся наблюдать за сезонными изменениями и миграцией птиц, делают для них кормушки, подкармливают ранних аистов, которые появляются здесь уже в марте.

Во время этого воистину францисканского рассказа о школе пани Целина делится и тем, что значит для нее приход Св. Бруно:

«Я уже много лет в этом приходе, хожу туда и летом, и зимой. Мне кажется, я там даже не замерзаю – ведь это дом молитвы, куда мы идем слушать и внимать... У нас в приходе есть и поляки, и литовцы, и цыгане, и русские. Пусть в храме холодно, но нам тепло друг с другом.

У каждого из наших настоятелей-францисканцев было как бы свое задание. Если о. Чеслав и о. Вальдемар восстанавливали веру и приход, то о. Ириней Вежховский был создателем нового – он выкупил дом прихода и монастыря.

В день, когда о. Ириней вступал в должность настоятеля, крестили моего внука Александра. Он был первым, кого крестили в храме после восстановления! Его специально привезли для этого из Латвии. А мой племянник здесь к Первому причастию приступил. Моя сестра с семьей приезжает к нам из Правдинска на все большие праздники, им очень нравится в нашем приходе, они говорят, что здесь – настоящий Божий дом.

Каждый из братьев внес свою лепту в наше воспитание.

Вот о. Петр Корнелюк, например, артистически говорил проповеди, красиво играл на скрипке. У него очень красивая речь. Один раз он мне сказал: «Все что вы делаете, делайте не только для себя, а в интенции – ради кого-то. Например: «Господи, я вымою эти окна, и станет чище и светлее. И люди будут меньше мусорить и станут более внимательными друг к другу». Все, что мы делаем – делаем для Бога, а значит – для любви».

О. Ириней был такой активный, позитивный... Он не мог сидеть на месте и был на все руки мастер: мог создать все – от мелкого предмета до дома. При нем у братьев появился дом заброшенной городской поликлиники, где теперь находятся монастырь и детский центр. Стены были крепкие, но внутри все сгнило: обваливались штукатурка и балки... Вместе с другими прихожанами мы приходили после работы по вечерам помогать о. Иринею. Он был инициатором: таскал эти балки, доски, а мы молотками отбивали штукатурку... Теперь в этом доме проходят разные встречи, мы там собираемся для просмотра фильмов. У прихожан появилось место, где можно встретиться, побеседовать...»

Пани Целина делится впечатлениями от праздника. – «Это был удивительный праздник, со слезами на глазах, – говорит она. – Такого праздника в нашем приходе давно не было. Паломничество, такая торжественная служба, орган играл – я плакала от счастья... Я горжусь тем, что я прихожанка, что могу какую-то лепту внести, помочь. Как хорошо, что есть у нас такое место духовной и моральной поддержки».

* * *

И в завершение – несколько слов нынешнего настоятеля Римско-католического прихода св. Бруно в Черняховске – о. Дария Харасимовича: «Я работаю здесь всего третий год. Мы видим, как много здесь сделано другими братьями до нас. И испытываем чувство благодарности Богу за Его Провидение, за то, что Он, осуществляя Свой замысел через разных людей, ведет нас вперед.

Юбилей – это момент, когда можно остановиться в пути, посмотреть назад и осмыслить перспективы, задумать новые дела. Но главное – чтобы всегда были живые люди, которые живут для Бога и Церкви, и в Церкви. Это главный дар и богатство. И только когда есть такие люди, вместе с ними можно осуществлять различные идеи – благотворительные, просветительские... Хотелось бы, чтобы наше францисканское присутствие привело больше людей в храм, больше молодежи, сейчас ее практически нет.

Замечательно, что наш юбилей пришелся на Год веры, и мы смогли пригласить участвовать в нашем символическом паломничестве католиков со всей Калининградской области. Храм Святого Бруно выбран в рамках Года веры одним из храмов, где можно получить индульгенцию. Поэтому и возник этот замысел организовать паломничество. Были трудности, но все-таки замысел осуществился, и осталась радость в сердце от этого праздника... Все братья тоже очень радовались, была какая-то особая атмосфера в монастыре, чувствовалось, что мы – одна семья». ⊙

Подготовила Мария Романова

Мирослав Подымняк OFMConv

Евхаристия
в ранних францисканских источниках

«Я хлеб живой, сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить вовек; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира» (Ин 6, 51). Этими словами Иисус обещал дать нам Свое Тело и Кровь как пищу бессмертия. Он сдержал слово в Великий Четверг, претворив хлеб и вино в Свое Тело и Кровь: «Сие есть Тело Мое.., сия есть Кровь Моя...» (ср. Лк 22, 19). Случилось чудо, к которому мы всегда приближаемся с великим смирением и благоговением. Размышляя над словами Христа: «Блаженны невидевшие и уверовавшие» (Ин 20, 29), мы принимаем в образе белой Гостии невыразимый дар близости Сына Воплощенного, Который во время каждой Святой Мессы «сходит с небес от царственных престолов на средину погибельной земли» (Прем. 18, 15) и приглашает разделить с Ним трапезу. Нужно отважиться на величайшие усилия, чтобы принять эту истину всем сердцем. Нужно – как св. Франциск – «высмотреть себе глаза», «истомить тело», «воспламенить свой дух», чтобы познать эту истину как можно лучше.

И публичная, и частная жизнь в те времена, когда жил святой, протекала под знаменем христианской веры. Но на практике повседневная жизнь зачастую сильно расходилась с предписаниями Церкви. Религиозное сознание и верных, и духовенства граничило с невежеством, а фанатизм и суеверия стали чуть ли не повседневностью. Чем объясняется кризис евхаристического благочестия? Несомненно, одной из причин было то, что и верные, и духовенство не соблюдали нравственных и религиозных заповедей. IV Латеранский собор сокрушался по поводу того, что некоторые священники служили святую Мессу не более четырех раз в году, а большинство паствы ленилось участвовать в богослужениях. Францисканские биографы, хотя и без особых подробностей, в своих трудах ясно отражают нравственное состояние современников, особенно поступки духовенства, достойные сожаления. Евхаристическое благочестие угасало. Возникало чувство все более глубокой пропасти между Святым Богом и грешным человеком. В проповедях о Евхаристии говорилось об ужасающей жертве, о грозном Хлебе, о страхе и боязни. Как следствие – алтарь отгородили от людей, а вскоре и вовсе закрыли решеткой, украшенной благочестивыми изображениями. Святая Месса стала таинством страха.

Нужно еще добавить, что богословы XII века мало углублялись в тайну Евхаристии. Перед лицом опасных ересей они сосредоточились на защите истинного присутствия Христа в Пресвятых Дарах, а позже в течение долгих лет и вовсе не касались этой темы, размышляя над богословскими вопросами.

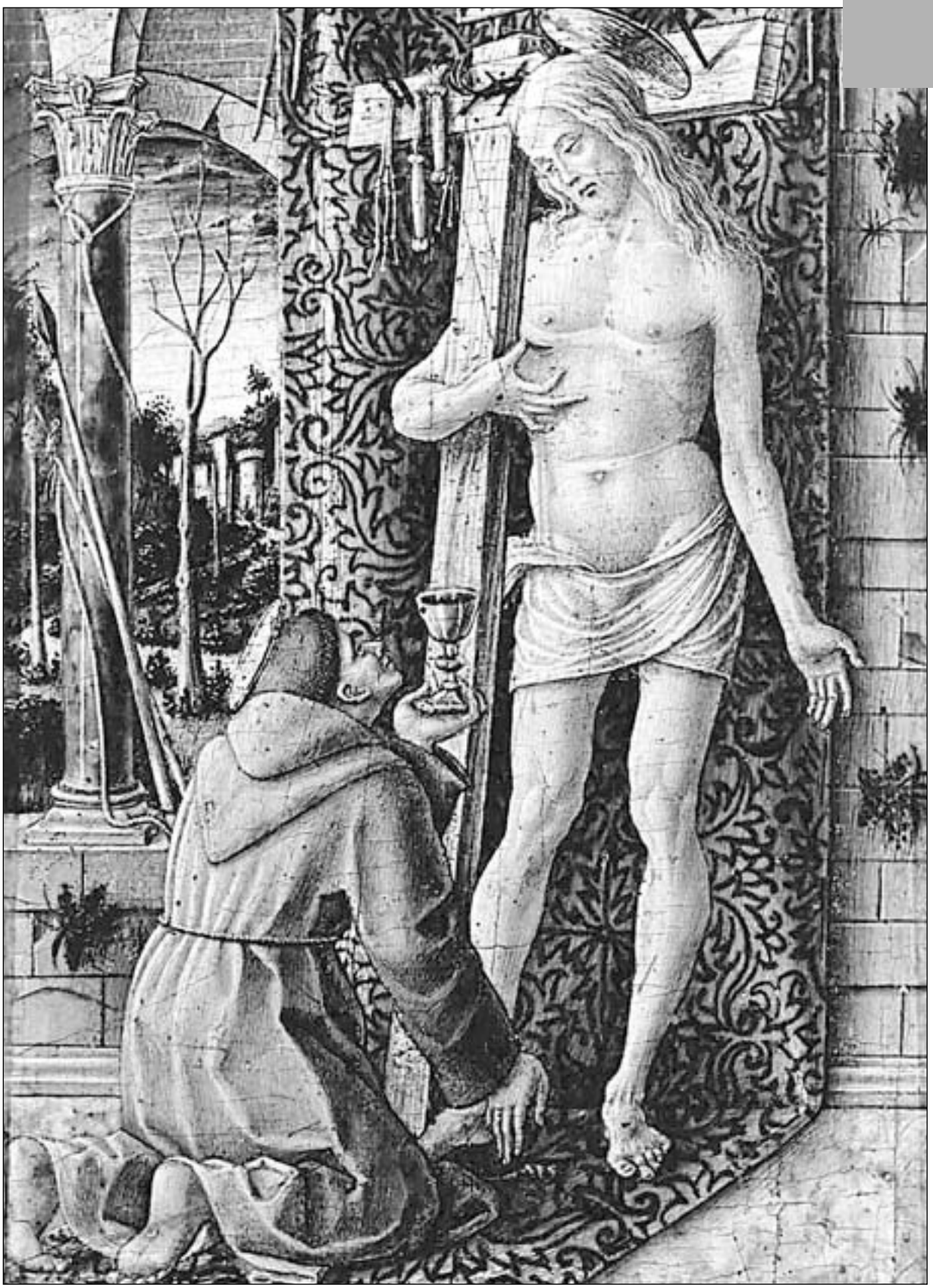
Знание этого исторического фона позволяет лучше понять масштаб евхаристической веры святого Франциска и, следовательно, его интерпретацию искупительных тайн Христа.

Цель этой статьи – суммировать все то, что в ранних францисканских источниках говорится о Евхаристии, а также о том месте, какое она занимала в жизни Франциска и братьев. Как выражалось участие Франциска в Святой Мессе и поклонении Пресвятым Дарам? Какое значение имела личность святого Франциска в возрождении евхаристического культа? Имеем ли мы дело с тайной личной веры, которую можно понять только в духе всей исторической эпохи? Одним словом: как средневековые авторы описывают таинство Евхаристии на примере жизни и деятельности святого Франциска?

Святая Месса

Св. Франциск Ассизский всей своей жизнью и глубокой верой напомнил людям правду о Христе как Богочеловеке, рожденном и распятом. Он созерцал и почитал Младенца Иисуса, стараясь понять, какие плоды принесла любовь Бога через чудо Воплощения. Он одним из первых приблизил к людям Младенца Христа, рожденного в хлеву и положенного в ясли. Он также показал Христа как страдающего Человека и пережил опыт Его страдания. В награду за сочувствие Христу во время молитвы на горе Верне Господь

Мирослав Подымняк учился в Академии католического богословия в Варшаве. Магистр богословия с 1992 года. В том же году был рукоположен в священники.



уподобил бренное тело Франциска Своему распятому Телу. Эпизоды из жизни Спасителя не раз вставали перед глазами Франциска. Участвуя в Святой Мессе, он старательно размышлял о том, каким образом Сын предает себя Отцу: от момента зачатия до Гефсиманской молитвы и смерти на кресте. А когда Франциск ощутил знаки Его страстей на своем теле, он еще глубже осознал, что Отец Небесный желает для человека наивысшего добра, и это добро выражается через участие в Евхаристии.

Память о Воплощении

Святая Месса, описанная в «Источниках»* – это звено цепи, связывающей воедино все богословие искупления, как в историческом, так и в эсхатологическом измерении. Из предмета личного благочестия и возможности личной встречи с Богом Месса становится исполнением ветхозаветного обещания, что «Единородный Сын Божий... выйдет из лона Отца, чтобы, творя вселенную Своим примером, провозглашать людям слово искупления».

Евхаристическое благочестие Франциска, который не имел богословского образования, скрывает в себе глубокую богословскую мысль. Создание первого в истории рождественского вертепа и связь этого действа со святой Мессой свидетельствует об ощущении Франциском духовного единства между обеими тайнами. Согласно «Источникам», как Воплощение, так и Святая Месса – это знаки присутствия Сына Божьего. С одной стороны, это начало искупления, с другой – постоянное присутствие и знак великого смирения Христа из любви к человеку.

Фома Челанский пишет, что день Рождества – это величайшее религиозное торжество. Это «праздник праздников», ибо именно «тогда Бог, став младенцем, приник к человеческой груди». По словам св. Бонавентуры, Франциск был глубоко уверен, что человеческая жизнь Христа и Его присутствие в Святых Дарах – это дорога, по которой любовь Бога нисходит к людям. Несомненно, по такой же причине он советовал праздновать этот день особенно торжественно, чтобы все христиане радовались в Господе и щедро заботились о нуждах ближних.

Искупительное действие любви Божьей выражается многочисленными и разнообразными способами. Видимым и ощутимым оно становится в Евхаристии. Совершение Божественного искупления становится в полной мере понятным лишь в свете Божественных Таинств. Поэтому нет ничего удивительного в том, что жизнь Франциска была преисполнена веры в Воплощение и в Пресвятые Дары и что он переживал эти Таинства так, как удавалось лишь немногим святым.

Рождество Божьего Сына стало для него величайшим событием в истории, – событием, которое словно рассекло человеческую историю надвое. Франциск, устраивая рождественскую мистерию в Греччо, свидетельствовал, что сам «обладал умением полностью следовать за Христом», восхваляя Его своими словами и поступками. Кроме того, он показал глубокие богословские познания. С полной уверенностью можно назвать его мистиком «тайны Воплощения» и «Таинства Алтаря». Ведь и в том, и в другом он видел героический акт смирения Божьего Сына. Связь двух этих Божественных тайн в понимании Франциска описал брат Фома: «Жаром всего сердца он пылал навстречу таинству Тела Господня, до предела изумляясь этой драгоценной благодати и радостнейшей любви… Он принимал Пресвятые Дары с величайшим благочестием и почтением, веря в истинное присутствие Христа, словно повторно воплотившегося».

Итак, в Евхаристии Франциск видел продолжение Воплощения и смиренное Рождество Господа.

Следует подчеркнуть, что в Греччо – вероятно, впервые в истории – священник совершал святую Мессу перед яслями как перед алтарем. Лишь позже на месте этой чудесной мистерии над яслями возвели алтарь и освятили храм. Там, где некогда животные ели сено, теперь люди принимают Тело непорочного и чистого Агнца, Который из великой и невыразимой любви отдал нам Себя Самого. Искупительные тайны Христа, описанные биографами Фомой Челанским и Бонавентурой, показывают саму сущность евхаристической веры Франциска. Любовь Бога, явленная в Воплощении, восхищала его еще больше в Таинстве Алтаря, – так, что он мог воскликнуть: «Чего же больше мог Ты нам дать, Господи!».

Горячее желание увидеть Христа «плотскими очами» вписывает Франциска в русло народного благочестия той эпохи. Действительно, с середины XII века важнейшей формой поклонения Христу был культ Пресвятых Даров, выражавшийся, главным образом, в созерцании святой Гостии. В инсценировке тайны Рождества эта форма благочестия нашла отклик также и у Франциска.

Христос, являясь в человеческом теле, ведет человека к Отцу. Перед нами Он предстает не в телесном образе, как некогда перед апостолами, но в смиренном образе хлеба. Потому Святую Мессу Франциск трактует как продолжение Воплощения

* Здесь и далее: «Источники францисканства» – сборник ранних источников францисканства, включающий сочинения и жития св. Франциска и св. Клары, изданный на разных языках. В статье приводятся цитаты из сочинений и житий святого Франциска, входящих в этот сборник.

или новое Воплощение. Освящение хлеба и вина на алтаре он приравнивает к сошествию Христа в лоно Девы: «...настало время родить, и она родила» (Лк 1, 57). «Как некогда Бог ниспослал сынам Израиля манну (ср. Пс 77, 24), пищу, заключающую в себе все удовольствия и наслаждения любого вкуса», так теперь Его Сын ежедневно умаляется и сходит с царского трона на алтарь. Из Отчего лона Он нисходит в руки священника, чтобы пребывать с нами в Пресвятых Дарах. Вчера и сегодня Он является все тем же Сыном Божьим, приходящим к нам под видом хлеба. Участвуя в святой Мессе, Франциск размышляет о Христе, рожденном Марией, а алтарь воспринимает как ясли, в которых Сын Божий приходит к людям. Потому Фома Челанский написал, что в Греччо священник совершил святую Мессу «при яслях», как «на алтаре», а Франциск в проповеди назвал евхаристического Иисуса «Вифлеемским младенцем».

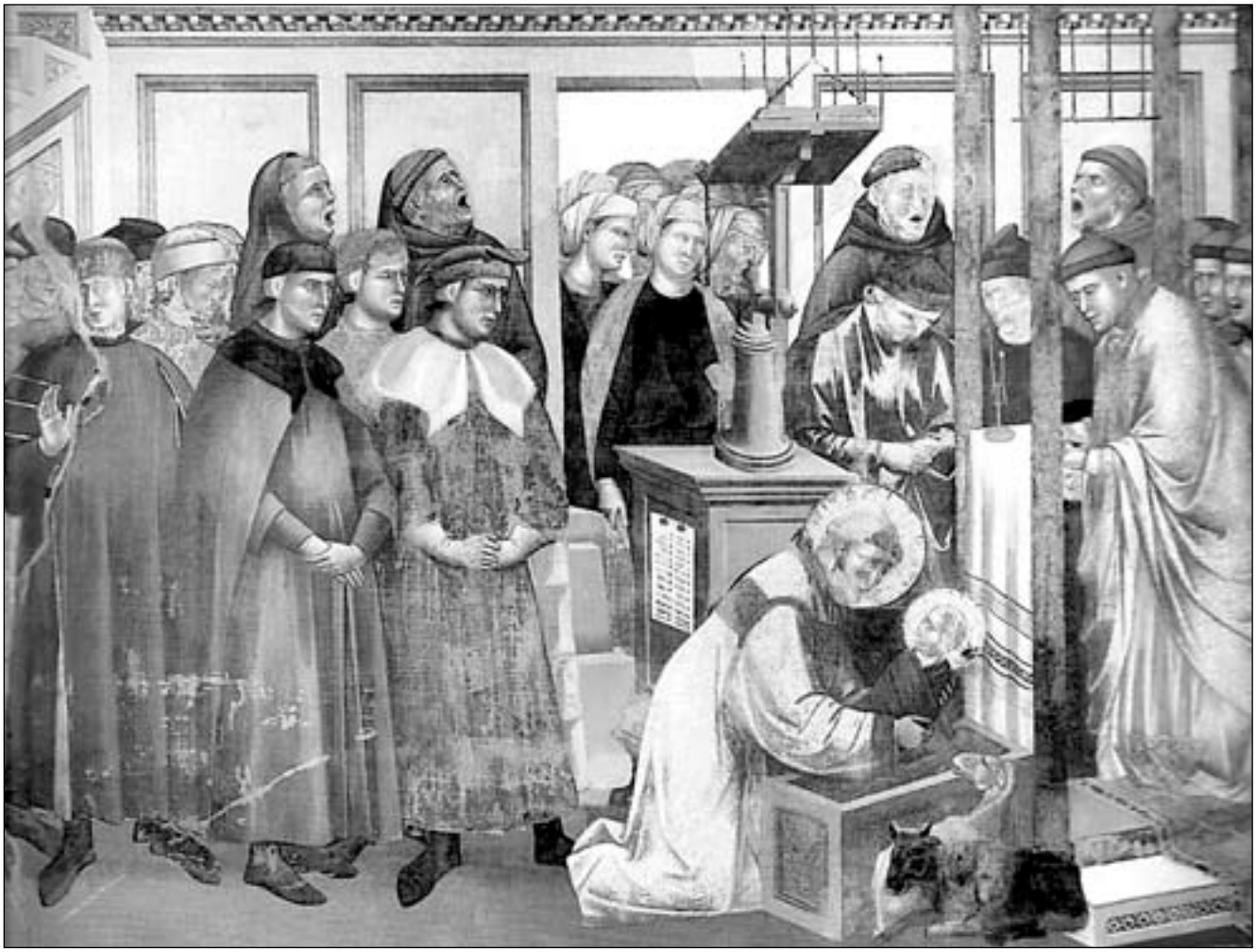
Жития св. Франциска – это своего рода гимн восхваления Божьего милосердия, явленного нам в тайне Воплощения и Евхаристии. Фома Челанский, желая описать благодарность Франциска за этот дар, в котором Воплощенное Слово восходит на алтарь, написал: «Образ Младенца он целовал своей изголодавшейся мыслью, а сочувствие Младенцу, разлитое в его сердце, заставляло его сладко лепетать, как это делают дети».

Он восклицал: «Возлюбленный мой, белоснежный в воплощенной невинности, избранный из тысяч, обагренный Кровью в страданиях».

Франциск любил Иисуса всем сердцем, при звуке Его имени заливался радостными слезами.

«Воистину он имел много общего с Иисусом, Иисуса носил в сердце, Иисуса на устах, Иисуса в очах, Иисуса в ушах, Иисуса в руках, Иисуса во всем теле», – пишет Фома Челанский.

Святой Франциск особым почитанием окружал также Деву Марию, которая «Величайшего Господа сделала нашим братом». Он почитал Ее как Мать Богочеловека, а в доказательство благодарности за Ее материнство, явленное в Воплощении, выбрал Ее покровительницей ордена. «Источники» не упоминают,



на чем основана связь Марии со святой Мессой. Не сообщается также, каким образом участвует Мария в евхаристической общине. Но поскольку Франциск соединял почитание Марии, открытой Слову Отца, с поклонением Христу, следует сосредоточиться на присутствии Марии в эпизоде Воплощения. И следовательно, Она присутствует при жертве святой Мессы и в евхаристической общине.

Мы легко замечаем, что Франциск, созерцающий смирение Бога, рожденного в Вифлееме, очень просто и доступно объяснял тайну Воплощенного Слова, приходящего под видом смиренного хлеба. Ясли в Греччо – это не единственный момент, указывающий, как велика была вера и любовь Франциска к Евхаристии. Это видно почти во всех его письменных посланиях и свидетельствах о его жизни.

Воспоминание жертвы Христа

Святая Месса во все века существования Церкви совершалась как жертва. Евангелие, рассказывая о Тайной Вечере, рядом с формулой освящения приводит слова Христа: «Сие творите в Мое воспоминание» (Лк 22, 19). Эти слова и по сей день совершаются в Евхаристии, где вновь повторяется и вспоминается Последняя Вечеря.

Посмотрим, до какой степени Франциск, главным желанием и целью которого было следование за распятым Христом, понимал и практиковал эту истину в своей жизни. Фома Челанский пишет: «Его горячее благочестие перед Телом Христовым отличалось необычайной глубиной». Во время святой Мессы и поклонения Пресвятым Дарам он часто возвращался мыслью к событиям Великого Четверга, Великой Пятницы, Великой Субботы и Пасхального Воскресенья. Он вспоминал о тех событиях, когда Христос отдал свое Тело и Кровь. Ему были очень близки слова св. Павла: «Ибо всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете, доколе Он придет» (1 Кор 11, 26).

Согласно «Источникам», участие в Святой Мессе – это ответ на побудительные слова Христа и истинное участие в Крестной Жертве. Приступая к Святому Причастию, Франциск принимает Христа не только как Того, перед которым встала угроза смерти, но и как вечно почитаемого Победителя. Он не думает о том, чтобы достичь большего личного совершенства, но о том, чтобы соединиться со своим Господом, который отдал Себя Отцу ради нас. Поэтому Фома Челанский мог написать: «Он часто принимал причастие и с такой набожностью, что его благочестие производило сильное впечатление на других. Окружая Пресвятые Дары великим почтением, он словно приносил в жертву свое тело, а принимая непорочного Агнца, словно сжигал свою душу в пламени, которое всегда пылало на алтаре его сердца».

Евхаристическая вера Франциска сосредоточена также на человеческом облике страдающего Христа, умирающего за всех людей. «Источники» явно отсылают к фактам, которые характеризуют главные особенности этой веры. Франциск считал, что Иисуса, присутствующего «во всех храмах мира», следует почитать и благословлять за то, что святым Крестом Своим Он искупил мир. Потому из поля зрения Франциска почти никогда не исчезает жертвенный характер Святой Мессы. Говоря о Таинстве Алтаря и о совершении этого Таинства, он часто использует выражения: «святая жертва Мессы», «Тело и Кровь Господа нашего Иисуса Христа», «Тело и Кровь Христа», «Тело и Кровь Господа», «Пресвятая Вечеря». Еще более впечатляющий факт – это то, что он никогда не использует слова «Евхаристия». «Источники» со всей очевидностью указывают, что для Франциска Таинство Алтаря – это воспоминание о Жертве Христа на Голгофе, вновь приносящее нам плоды искупления. Жертва совершается здесь и сейчас, когда священники служат святую Мессу, а верные приступают к алтарю, чтобы сакраментальным образом вкушать плоды благословенных Страстей Христовых.

Анализ «Источников» показывает, что для Франциска принятие Тела Господня – это также участие в жертве всесожжения. Для полного участия в этом пиршестве необходимо должным образом подгото-

виться: забыть о мирских делах и занятиях, обрести чистоту сердца и примириться с Богом и людьми. Только тогда человек может принести в жертву всего себя целиком, а принимая непорочного Агнца, принести в жертву всего себя и «сжечь свою душу в том пламени, которое должно пылать на алтаре сердца». Святая Месса – это непрестанная жертва, связывающая Бога с грешным человечеством. Плоды, получаемые нами в этой мистерии, совершают наше избавление «от смерти ради жизни». И так продолжаются Страсти Христовы, постоянно предстоя за нас перед Богом.

Для Франциска первая святая Месса – это Христос на кресте, кровавая жертва, ставшая переломным моментом в человеческой истории и кульминацией всей истории искупления. «Источники» утверждают, что всё, относящееся к сфере искупления, было жизнью Франциска. Он присутствовал при «рождестве» Христа, подражал Его делам и словам, учил, как Он. Франциск шел за Божественным Искупителем и на Голгофу, духовным образом участвуя в Крестной Жертве. Интуитивно он ощущал, что между Крестом и святой Мессой существует тесная связь. Его поэтическое воображение, опираясь на веру, внушало ему, что страдания Христа не ограничивались лишь несколькими часами умирания, но продолжаются до сих пор. С другой стороны, Франциск осознавал, что страдания Христа не могли продолжаться до Страшного Суда, и потому была установлена Евхаристия. Таким образом, жертва Сына Божьего происходит непрерывно и действенно. Франциск прекрасно осознавал, что Христос

установил это таинство для того, чтобы все без исключения имели возможность вкусить плоды Его жертвы.

В таком духе следовало бы интерпретировать часто встречающуюся картину Мурильо, где Франциск обнимает распятого Христа. Святой, словно обнимая крест всем своим сердцем, входит в жертву Распятия, возобновляемую во время каждой святой Мессы. Для Франциска крест – это алтарь, на котором произошло и постоянно происходит чудо нашего искупления и спасения.

Венцом всей жизни Франциска были его стигматы. Божественный Спаситель запечатлел на его теле Свои кровавые раны. Тем самым произошло рукоположение, которого Франциск в своем обычном состоянии не желал. Иисус на кресте, воплощенное Таинство страдания, отблагодарил Серафического Отца за горячую преданность и любовь к Таинству Алтаря. Почти буквально исполнились слова о том, что Иисус, приходя к человеку под видом пищи, преображает этого человека в Самого Себя.

Фома Челанский разъясняет, как Франциск воспринимал святую Мессу. Он рассказывает, что Святой за два-три дня до смерти, видя, как братья горько плачут, попросил принести хлеб, благословил его, преломил и каждому раздал по кусочку. Затем он велел прочитать фрагмент Евангелия от Иоанна, который начинается со слов: «Перед праздником Пасхи Иисус, зная, что пришел час Его перейти от мира сего к Отцу, явил делом, что, возлюбив Своих сущих в мире, до конца возлюбил их» (Ин 13, 1). Франциск поступил так, как Христос. Но был ли это только внешний жест? Авторы «Источников» объясняют его глубокое намерение. Фома Челанский пишет, что Франциск напомнил таким образом «ту Пресвятую Вечерю, которую Господь в последний раз совершил со Своими учениками. Франциск поступил так, чтобы почтить это воспоминание и выразить свою любовь к братьям».

Текст с очевидностью объясняет мотивы Франциска: во-первых, он хотел почтить память Тайной Вечери, подражая действиям Иисуса, а во-вторых, хотел выразить, как любит своих братьев. Потому он старался представить Евхаристию в том же свете, что и евангелист Иоанн, то есть как исполнение слов Христа: «...возлюбив Своих сущих в мире, до конца возлюбил их» (Ин 13, 1), а также желал подражать жертвенной готовности Христа. Святая Месса, наивысший знак любви Христа к ученикам, – это воспоминание событий Великого Четверга. Франциск, видя, что братья горько плачут, повторил тот же жест любви – поделился хлебом. Это с очевидностью подтверждает автор «Зерцала совершенства»: «Так же, как Господь перед смертью хотел совершить в Великий Четверг вечерю с апостолами в знак любви, так же и совершенный Его

последователь благословенный Франциск хотел этот знак любви передать своим братьям».

В жизни Франциска можно легко заметить «священный страх» перед Таинством Алтаря. Он падал на колени перед недостойным священником, потому что видел в нем слугу распятого Христа. Кланялся всему, что напоминало крест, целовал руки и ноги священникам. Он утратил зрение, но ни на миг не перестал интуитивно всматриваться в таинство Евхаристии и Страстей Господних. Испытывая прилив любви, он играл на перекрещенных дощечках, как на скрипке, чтобы только найти форму выражения любви к Господу, переполнявшей его душу.

Кажется, что все поступки Франциска опирались на искупительные тайны Христа. Воплощение – Крест – Евхаристия стали сутью его веры, указывая направление жизненного пути и апостольской деятельности. Самым большим его желанием было отдать жизнь за обращение грешников, чтобы стать «живой жертвой» за многих. Как мы знаем, это желание исполнилось почти что буквально. «Источники» рассказывают, что ассизский Святой под конец жизни носил на теле раны, подобные тем ранам, что Христос получил на кресте. У него открылась рана в боку, не нанесенная человеком, но подобная ране Спасителя, которая в самом Христе стала Таинством искупления и обновления человеческого рода. Таким образом, Франциск стал одновременно «жертвователем» и «жертвенным даром».

Таинство Евхаристии

Что же такое таинство Евхаристии в понимании святого Франциска? Его современники не были так осведомлены в евхаристическом богословии как мы сегодня. Нередко к Пресвятым Дарам относились без должного почтения. Но Франциск глубоко верил в эту «величайшую Тайну». Конечно, он не смотрел на Евхаристию в свете богословской науки тех семи веков, что прошли со дня его смерти. Однако на основе «Источников» можно сказать, что он без всяких сомнений верил в пресуществление, почитал священников и был уверен, что Христос присутствует в Пресвятых Дарах.

Пресвятые слова Господа

Христос, присутствующий в Пресвятых Дарах, был центром духовной и апостольской жизни ассизского Бедняка. «Источники», говоря о «Достославном Таинстве», часто упоминают о «пресвятых словах Господа» (*sanctissima verba Domini*). Поскольку таинство Евхаристии – это воспоминание о Воплощении и страдании Христа, нужно задать вопрос, какова связь «святых слов» с Евхаристией, чтобы лучше понять «*verbum Domini*» Франциска и идею о живом присутствии Бога в слове. Однако сначала попробуем проследить, каково разнообразие значений термина «Слово Божие» – эти значения весьма оригинальны и отличаются от средневекового понимания Библии.

Бог – согласно Франциску – говорит не только в Священном Писании, но и в каждом человеке и в каждом предмете. Ибо все, что человек имеет и делает, происходит от Бога, в том числе и слово. Фома Челанский передает, что даже среди язычников Франциск наблюдал, как Бог говорит с людьми. Когда один брат спросил, зачем Франциск с таким рвением собирает труды язычников, где нет упоминания о Господе, тот ответил: «Сын мой, я поступаю так потому, что в них содержатся буквы, из которых складывается преславное имя Господа Бога». Итак, мотив этих поступков был для него очевиден, а именно: «заключенное в них добро не принадлежит ни язычникам, ни каким бы то ни было людям, но Самому Богу, которому принадлежит все добро – *cuius est omne bonum!*».

Образ жизни Франциска опирается, прежде всего, на Евангелие. Это не значит, что понятие «Слово Божие» ограничивается библейским текстом. Слово Бо-

жие – это выражение Божьего милосердия, охватывающего все человечество и весь мир в истории искупления. Однако речь идет прежде всего о тех словах, которые Серафический Отец назвал «пресвятыми» и связывал непосредственно с Таинством Тела и Крови Господа нашего Иисуса Христа.

Итак, что в точности означают «пресвятые слова» для Франциска? «Источники» с помощью этих слов определяют три сферы реальности. Прежде всего, это сакраментальные формулы, с помощью которых священники освящают хлеб и вино во время святой Мессы, затем – литургические тексты вместе с книгами, содержащими формулы Таинств, молитв и благословений, а также слова, произносимые богословами и проповедниками.

Благоговейно относясь к Пресвятым Телу и Крови Христа, Франциск окружал великой любовью и почтением все эти формы использования Слова. Он советовал поступать так же и братьям, поскольку верил, что силой этих слов, когда их повторяют священники, происходит пресуществление святых даров в Таинстве Алтаря. Только через уста и руки священников Христос становится присутствующим на алтаре истинным и реальным образом. Для ассизского Бедняка это единственное в своем роде живое присутствие Христа: «Ибо ничего не имеем мы в этом мире и не зрим телесно от Всевышнего, кроме Тела и Крови, имен и слов, которые нас сотворили и искупили из смерти в жизнь».

«Источники» сообщают, что Франциск окружал почитанием и любовью как Господне Тело, так и «святые слова». Он верил в их чудотворную силу и считал, что в них присутствует Бог. Подобно тому как пророк Иеремия поглощал слова Яхве (ср. Иер 15, 16), Франциск, читая Священное Писание, принимал Христа так, словно в этот момент принимал Его святое Тело. Священников, провозглашавших Слово Божие, он воспринимал как уделяющих Причастие, а слушающих их верных – как принимающих святую Гостию. Он ясно видел сакраментальную сторону служения священников, и потому обращался к ним со смиренной мольбой о том, «чтобы они более всего почитали Святейшее Тело и Кровь Господа нашего Иисуса Христа и написанные священные имена и слова Его, освящающие Тело». Если это не помогало, он называл, каковы их грехи, и указывал на невежество в отношении Тела непорочного и чистого Агнца и в отношении слов, благодаря которым «оживляется семя брата умершего» (ср. Втор 25, 5), а именно, Христа распятого.

Сакраментальная концепция «святых слов» выражается в том, как Франциск смотрел на проповедь и слушание Слова Божьего. Обращаясь к верным, он использует один и тот же термин «служить» (*ministrare*), говоря как о совершении Таинства, так и о проповеди Евангелия. Проповедовать – значит служить верным, уделяя им Христа подобно тому, как священник уделяет святое Причастие. В обоих случаях Христос – это хлеб, дающий жизнь. Потому проповедники и богословы, провозглашающие «святые слова», дают нам «живые слова», то есть Христа. Таким же образом Франциск истолковывает слушание Слова Божьего. Кто слушает или читает «святые слова», тот принимает Бога и участвует в пиршестве, где пищей является сам Бог.

Веру Франциска в Таинство Алтаря следует рассматривать в свете евхаристической практики Средневековья. Возможность принимать Христа в святом Причастии тогда была редкой, а Евхаристической литургией зачастую пренебрегали. Хотя Фома Челанский в «Первом житии» говорит, что Франциск «часто причащался», можно без сомнения утверждать, что ежедневно он не принимал святого Причастия под видом Хлеба Господня. Он делал это, принимая Христа в словах Евангелия, которое читалось на Святой Мессе, каждый день, а иногда даже несколько раз в день. Автор «Зерцала совершенства» сообщает, что Франциск «всегда, если только мог, старался участвовать в Святой Мессе», а отказ от участия хотя бы в одной Мессе в день воспринимал как неуважение по отношению к Таинству и оскорбление самого Господа. Даже если он болел или не мог ходить по причине слабости, он просил священника совершить Таинство Алтаря в келье или велел прочесть одно только Евангелие утренней Мессы.

«Святые слова», согласно «Источникам», у Франциска были неотделимы от Таинства Алтаря и также являются таинством, которое можно выразить через два классических понятия: Престол Слова и Престол Тела Господня. В проповеди через человеческие сло-

ва Христос выходит навстречу своим верным, подобно тому, как Он приходит к ним Телом и Кровью. Не в этом ли для Франциска заключается богословие произнесения «святых слов»?

Слуга Таинства

С самых древних времен священника воспринимали как посредника между Богом и человеком. Одна из причин такого отношения, несомненно, коренится в общей для всего человечества традиции и связана с грехопадением первых людей. Христос установил священство, чтобы все поколения до конца времен могли пользоваться плодами Его искупления. Священники – это Его наместники, которые Его именем совершают эти «преславные и величайшие Таинства».

Личность священника в жизни Франциска появилась с самого начала его обращения. Фома Челанский пишет, что, начав служить Богу, Франциск первым делом направился к бедному священнику при церкви св. Дамиана под Ассизи. Он приблизился к священнику и в знак почтения с глубокой верой поцеловал его освященные руки. Священником был также первый друг Франциска. Франциск безоговорочно ему верил и вручал ему собранные деньги. Со временем священник стал центром, к которому стремилась вся религиозная жизнь Франциска. «Источники» сообщают, что во всех важных случаях Франциск отправлялся к священникам. Они укрывали его от разгневанного отца, поддерживали в нем бодрость духа, тайно приносили ему пищу. Благодаря священникам Франциск открыл для себя истины веры и путь своего призвания. К священнику – Папе Римскому – он ходил также для того, чтобы получить указания насчет апостольской деятельности.

Мотивом «особых чувств», которые Франциск питал к сословию священников, была горячая любовь к Христу, присутствующему в Пресвятых Дарах. В священниках он видел Христа-Первосвященника и потому старался выражать им уважение, послушание и покорность. Вера подсказывала ему, что именно священники – единственные слуги алтаря, которые именем Божьим освящают хлеб и вино, а также ведут Божий народ на небо. Искупление было для Франциска самым важным понятием – чтобы достичь искупления, необходимо было познать Слово Божье, очиститься от грехов и принять Тело Христово. Этого нельзя сделать без Церкви и священников, которым Христос доверил власть совершать таинство Покаяния и таинство Евхаристии. Таков искупительный замысел Бога. Потому Франциск часто напоминал братьям, что «никто не может спастись иначе, как только через святые слова и Кровь Господа нашего Иисуса Христа, каковые священники провозглашают, передают и другим уделяют. И только они могут это делать, и никто иной».

Франциск с великим почтением относился к рукам священников, которые касаются Тела Христова. Он часто говорил: «Если бы мне довелось встретить святого, сошедшего с неба, и бедного священника, я бы сначала приветствовал священника и хотел бы поцеловать ему руки. Я бы сказал: «О, подожди, святой Лаврентий, ибо руки этого человека касаются Слова жизни (1 Ин 1, 1) и наделены сверхчеловеческой властью!».

Он любил священников, ибо видел в них присутствие самого Христа, и этой любви не могла заслонить даже греховность какого-либо священника.

Следует помнить о том, что падение нравственности в то время было повсеместным. Духовенство, обмирщившееся как никогда прежде, противилось каким-либо реформам. Верные перестали доверять священникам, и только сила власти могла произвести хоть какое-то впечатление. В Италии происходили народные бунты против недостойных священников. Религиозные и общественные проблемы того времени не были чужды Франциску. Из исторических источников известно, что он всей душой стремился участвовать в делах, которыми жил город Ассизи и вся Церковь. Самобытная вера Франциска возникла на фоне той эпохи как

историческая потребность, как дар, обновляющий религиозную жизнь. Франциск не поддался распространенным заблуждениям вальденсов и катаров, которые считали, что священник в состоянии греха не может совершать таинств. Напротив, видя все более частые грехи священников, Франциск не только не начал относиться к священникам с презрением, но и прощал их многочисленные проступки и упущения.

Таинство Алтаря, по мнению Франциска, это выражение любви Христа к человеку. Факт установления этого таинства указывает, что это высочайшая вершина любви Бога к человеку. Поскольку волей Сына Божьего было даровать людям свое Тело и Кровь, то разве священники не должны приступать к этому таинству с «чистым и святым намерением»? «Малая легенда» сообщает, что Франциск увещевал их, дабы они совершали Святую Мессу и произносили проповеди не ради получения земных благ, но из любви к Христу, служа не для того, чтобы нравиться людям, но как слуги Христа, от всего сердца исполняя Божью волю.

Почтение, которое Франциск оказывал священству и священникам, выражается также и в подражании Тайной Вечери. Как уже упоминалось, Фома Челанский пишет, что, «когда братья горько и безутешно плакали, святой отец велел принести хлеба. Благословил и преломил его, а затем подал по куску каждому из братьев». Тем самым он напомнил о действиях Христа, которые в то же время являются священническими действиями. Будучи до конца жизни только дьяконом, Франциск наглядно показал братьям все великолепие священства Христа.

Подводя итог размышлениям о слугах Таинства Алтаря, следует вспомнить о тех добродетелях, которыми, по мнению Франциска, должны отличаться слуги алтаря: «вера», «святость», «доброта», «рассудительность», «забота о чистоте в храмах и на алтарях», «почитание Пресвятых Даров».

Присутствие «во всех церквях мира»

Франциск был простым человеком, глубоко верящим во все то, что открыл Бог и чему учит Церковь. Он особым образом переживал таинство, в котором Бог ежедневно приходит на алтарь через посредничество священника и в котором Он присутствует в дарохранительнице под смиренным видом хлеба. Так же, как апостолы видели Его в подлинном теле, так и теперь мы видим Его в Пресвятых Дарах. Это Его живые и истинные Тело и Кровь, дарованные нам как пища бессмертия. В этом сакраментальном присутствии Франциск видит

исполнение обещания, данного Христом: «И се, Я с вами во все дни до скончания века» (Мф 28, 20). Желая выразить почтение Христу, присутствующему «во всех храмах мира», Франциск с такими словами поклонялся Пресвятым Дарам: «Поклоняемся Тебе, Господи Иисусе Христе, здесь и во всех церквях Твоих, какие есть во всём мире, и благословляем Тебя, ибо Ты Святым Крестом Своим искупил мир».

«Легенда о трех товарищах» гласит, что Бог даровал Франциску и его братьям такую веру в присутствие Христа в церквях, что всегда, если они в путешествии встречали церковь или крест, даже далеко от дороги, то кланялись до земли и смиренно произносили: «Поклоняемся Тебе, Господи Иисусе Христе… ». Ибо они верили, что находят дом Божий каждый раз, когда встречают какой-либо крест или церковь, а публичное коленопреклонение и совершение молитвы вслух было не только их личным исповеданием веры, но и апостольством ради Христа. Во время многочисленных путешествий по окрестным городам и селам они часто останавливались в церквях, чтобы поклониться Христу в Пресвятых Дарах. Они исполняли это с великой радостью и не делая исключений: независимо от того, был ли этот храм действующим или заброшенным, они кланялись и благочестиво произносили молитву, ведь они были уверены, что в этом месте присутствует Бог.

Вера Франциска в истинное присутствие Иисуса в Пресвятых Дарах выражалась еще и в желании, чтобы Пресвятые Дары хранились должным образом и с заботой о чистоте Божьего дома. Франциск очень сокрушался, что Христос, принесший Себя в жертву ради нашего спасения, зачастую позабыт и даже попираем. Он носил с собой метлу, ибо «очень страдал, если в какой-либо церкви было не так чисто, как ему хотелось».

Даже когда Франциск понял, что Господь призывает его спасать живую Церковь, он не перестал заботиться о храмах. Франциск видел в них также врата, ведущие на небо. Он охотно молился в уединении холодных пещер, но строил поблизости часовни, где священники совершали святую Мессу, братья встречались с Христом, почитали Пресвятые Дары и собирались на общую молитву.

ПРЕСВЯТЫЕ ДАРЫ

Святой Франциск почитал Пресвятые Дары как никто из святых. Даже неверующие утверждали, что евхаристический культ имел огромное значение в его религиозной жизни и в каком-то смысле стал средоточием его благочестия. «Жаром всего сердца он пылал навстречу таинству Тела Господня, до предела изумляясь этой драгоценной благодати и радостнейшей любви...»

Частое святое Причастие

По свидетельству Фомы Челанского, Франциск ежедневно, а иногда и несколько раз в день участвовал в святой Мессе и часто приступал к святому Причастию.

Евхаристическую жизнь Франциска следует рассматривать в контексте его эпохи. Культ Пресвятых Даров был тогда исключительно внешним. Он сосредотачивался, в основном, на почтительном созерцании. Как пример этого народного благочестия можно привести обряд возношения освященной Гостии, возникший в начале XIII века. «Зрительное» причащение заменяло собой таинство Причастия, и даже считалось более эффективным. В этом контексте легче понять, почему Франциск с такими усилиями и рвением брался за возрождение евхаристического культа. Он не поддавался течениям поверхностной набожности, ибо его простая вера, опирающаяся на Евангелие и на послушание Церкви, хранила его от заблуждений и ереси. Почитание Пресвятых Даров как нельзя теснее соединялось со страхом Божиим, но не отрывало Франциска от таинства Причастия, не мешало ему как можно чаще причащаться – и в этом он, несомненно, опережал свою эпоху.

«Источники» не дают информации, сколько раз в году Франциск и его братья приступали к святому Причастию. Брат Эгидий, один из первых товарищей Франциска, принимал Тело Христово каждое воскресенье и по большим праздникам. Возможно, так же поступал Франциск и другие братья? Да, скорее всего, – хотя в этом отношении Франциск всегда предоставлял братьям полную свободу. Осознавая, с какой ответственностью следует приступать к этому «Пресвятому Таинству», он не приказывал братьям во имя послушания подходить к Божьему алтарю, ибо возможность Причастия, как Франциск хорошо понимал, связана с расположением духа того, кто собирается вкусить Тело Христово. Самым горячим его желанием было, чтобы все люди принимали Тело и Кровь с чистым сердцем и через это спасались. Он не забывал напоминать братьям, чтобы те сперва обращались к священникам и исповедовались во всех грехах, и только после раскаяния и исповеди принимали Тело и Кровь Господа нашего Иисуса Христа. Однако Фран-

циск всегда напоминал слова Спасителя: «Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем» (Ин 6, 56).

В Средневековье исчезло понятие о святом Причастии как о плодах святой Мессы. Люди принимали Тело Христово, но не всегда осознавали, что участвуют в совместной Трапезе, которая является выражением единства с Христом, Церковью и верными. Святая Месса превратилась в форму личного благочестия. Во время Мессы верные произносили собственные молитвы, не связанные с Евхаристической литургией. А тем временем «Источники» представляют нам другой способ переживать Таинство Алтаря. Святая Месса – это не просто воспоминание об искуплении, но совершение этого искупления здесь и сейчас. Во время Мессы перед нами предстают истинное Тело и истинная Кровь, Христос живой, преславный и объединяющий общину братьев. «Источники» упоминают также о том, что Франциск настаивал, по возможности, на совместном совершении Мессы (сослужении) – ради укрепления Церкви, совместного поклонения Богу и встречи с Ним в святом Причастии. Такая практика не стала обычной во всех монастырях, но это никоим образом не умаляет интуиции святого Франциска: не будучи богословом, он уже тогда понимал смысл богословия Церкви как Мистического Тела, по апостолу Павлу, – смысл всеобщего священства верных и общинного характера Таинства Алтаря.

Почитание литургической утвари и иных литургических принадлежностей

Фома Челанский писал, что для алтаря и предметов, посвященных Богу, Франциск не жалел ничего. Еще будучи мирянином, он покупал украшения и принадлежности, необходимые для Пресвятой Жертвы, и посылал их священникам или бедным церквям. Франциск ревностно реставрировал и украшал храмы, менял старую литургическую утварь, а в случае необходимости напоминал священникам, чтобы они всегда заботились об алтаре и святых местах. Во время одного из паломничеств в Рим он заметил, сколь скромные пожертвования верные приносили на содержание церкви Св. Петра. Тогда он запустил руку в котомку и бросил на алтарь целую горсть монет. Все присутствующие удивлялись столь великой щедрости.

Брат Лев сообщает, что св. Франциск испытывал такое великое почтение к Телу и Крови Христовой, что пожелал написать в Уставе, дабы братья в тех провинциях, где они пребывают, окружали Пресвятые Дары великой и неусыпной заботой. Сестры из монастыря Св. Дамиана шили покрывала на алтарь и другие необходимые литургические полотна для тех храмов, которые не имели достаточно средств на литургические принадлежности.

Любовь Франциска к Пресвятым Дарам была столь велика, что он посвятил Им даже «Невесту, Госпожу Бедность». «Источники» рассказывают, сколь ценной представлялась Франциску бедность. Из-за бедности у него не раз возникали конфликты с собственным отцом, с жителями города Ассизи и даже с папским двором. Однако, если дело касалось Пресвятых Даров, то он готов был отказаться даже от бедности. Некогда Франциск запретил братьям принимать деньги и золото под любым предлогом, теперь же он велел им принимать и забирать с собой дорогую церковную утварь, золотые чаши, шкатулки из слоновой кости и оставлять их в тех местах, где Тело Господне хранится недолжным образом. Жертвенность и преданность Франциска не знали границ – лишь бы только Иисусу на земле было хорошо.

В то время, когда церкви находились буквально в плачевном состоянии, а люди относились к Пресвятым Дарам равнодушно, если не враждебно, и даже сами священники обмирщились, позиция Франциска казалась неслыханной. Но святой находил понимание у своих братьев. Весь орден внимал его словам, становился у дарохранительницы «во всех церквях мира» и искренне почитал непорочного Агнца. Достаточно вспомнить таких святых, как Иоанн Паренти, Бернардин Сиенский, Екатерина Болонская, Карл из Сецце, блаженная Анджела из Фолиньо. Из более поздних почитателей Евхаристии во францисканской семье чаще всего вспоминают св. Николая Пека и товарищей (ум. в 1572) – мучеников Горкумских из Голландии, а также св. Пасхалия Байлона, которого Папа Лев XIII в 1898 году провозгласил покровителем евхаристических конгрессов, общин и мероприятий.

Поклонение Пресвятым Дарам

Во времена Франциска участие народа в Таинстве Алтаря сосредотачивалось на моменте освящения хлеба и вина и постепенно перерождалось в поклонение Пресвятым Дарам. Некоторые считали, что для участия в святой Мессе достаточно присутствовать лишь на моменте Пресуществления, и, взглянув на вознесенную Гостию, выходили из храма. Поклонение Христу, присутствующему в Пресвятых Дарах, привело к тому, что Тело Господне стали выставлять во время святой Мессы, то есть возникли Мессы с выставлением Даров, а также процессии с дароносицей в праздник Тела Господня.

Франциск не упоминает об обряде вознесения святой Гостии, а если и использует оборот «видеть Тело Господне», то речь идет о видении глазами веры. Он не позволил себе увлечься новыми набожными веяниями или другими формами и стилями средневекового благочестия. У него был «свой собственный способ поклонения», свойственный его личности и темпераменту. Его впечатлительная и эмоциональная душа не умещалась в рамки строгих правил и схем. Можно смело утверждать, что Франциск обладал огромной интуицией и поэтической впечатлительностью, открытой действию Святого Духа. И это самым очевидным образом выражалось в почитании Пресвятых Даров.

Во многих местах авторы «Источников» описывают Франциска коленопреклоненного, с руками, вознесенными к небу. Его лицо отражает сосредоточенность на молитве. Именно в такой позе, предаваясь глубокому созерцанию Христа, Бедняк проводил долгие часы. Он уделял время как совместной молитве с братьями, так и личному разговору с Богом. Он охотно задерживался в церквях, где перед Пресвятыми Дарами молился по бревиарию. Самым надежным его убежищем было поклонение Христу, долгое, исполненное благочестия и кротости. Бывало, что он целую ночь пребывал в молитве перед Пресвятыми Дарами, простерев руки, вознесшись над землей и окруженный словно светящимся туманом.

Стиль евхаристического благочестия святого Франциска отличается лирической эмоциональностью, понятной как ученым людям, так и крестьянам Умбрии. То, что он так свободно и естественно вел себя перед Пресвятыми Дарами, объясняется его впечатлительной природой, но не только. Христос Франциска – это вовсе не далекий Бог, существующий в абстракции. Его Господь – это Вифлеемский Младенец, Муж скорбей, распятый на кресте, а также Тот, Кто приходит под видом Хлеба и Вина. Именно такому – бедному, смиренному и возлюбленному Христу – поклонялся Франциск. В Пресвятых Дарах он видел всю человеческую и Божественную природу Христа. Вспоминая о рождестве Божьего Сына, он веселился и пел французские песни, а когда размышлял о Страстях, то проливал горькие слезы. Глазами веры он видел и в дароносице, и в причастниках освящающее действие Того, Кто некогда ходил по дорогам Галилеи, а теперь присутствует в Святых Дарах во всех дарохранительницах мира.

Все, сказанное выше о Евхаристии, опирается на сведения, изложенные в ранних францисканских источниках. Это не богословский трактат о понимании Евхаристии. Но это не значит, что понимание Францисском таинства Евхаристии лишено какой-либо богословской ориентации. Как раз наоборот, его евхаристическая вера основана на традиционном богословии, которое вдохновлено Евангелием, учением Церкви и литургией. Однако следует помнить, что мы имеем дело с «величайшей тайной веры», а любая попытка выразить эту тайну словами несет в себе опасность чрезмерной ограниченности. Все же можно сделать некоторые обобщения и сформулировать выводы.

Евхаристию следует отнести к одной из главных тем, затронутых францисканскими авторами. Хотя «Источники» представляют собой компиляцию различных сведений о возникновении Ордена меньших братьев, из них все же можно почерпнуть учение о Евхаристии, выстроенное вокруг таинства Искупления.

Тайна Евхаристии занимает центральное место в религиозной жизни Франциска и первых францисканцев. Следуя принципам традиционного культа Евхаристии, согласного с Евангелием и учением Церкви, св. Франциск видит в таинственном присутствии Богочеловека и Его ежедневной Жертве живое средоточие благочестия, источник веры и вершину Божественного культа.

В то время как другие таинства являются словно бы инструментами Божественной жизни, Евхаристия сама по себе является полнотой благодати. В ней заключено все понятие искупления, а из индивидуального благочестия, сосредоточенного на личном контакте с Иисусом, она превращается в поклонение Богу во всех Его таинствах.

Факт установления Евхаристии и сопутствующие обстоятельства, так выразительно подчеркнутые в «Источниках», указывают, что Евхаристия является совершенным выражением и высочайшей вершиной любви.

Согласно «Источникам», Евхаристия дает благодать, необходимую для высочайшей ступени дружбы с Богом, присутствующим в Пресвятых Дарах. Полное единение совершается, конечно же, в святом Причастии, но также и в Слове Божьем, и в поклонении.

Евхаристия – это не только путь достижения личного совершенства через возрастание в любви и единение с Христом, но она также углубляет взаимосвязь всех верных. Эта истина, сформулированная уже апостолом Павлом, является предметом особого интереса францисканских авторов. А глубочайшее выражение этой истины – совместное участие в жертве святой Мессы.

Евхаристическая вера Франциска является ценным наследием не только для францисканских семей. Если в течение семи веков и было нарушено некое равновесие, то в целом эта вера не подверглась ни искажениям, ни заблуждениям. Поэтому она не требует исправлений, но требует возрождения, открытости новым перспективам и возможности дополнения современного богословия послесоборных времен. ⊙

Павла Бобэр MSF

Смирение:

путь к Богу и путь к себе

Смирение – это не черта характера. Это внутренняя позиция, которая в действительности является основанием для нашей душевной и духовной жизни. Иными словами, это не одна из добродетелей, а основание для добродетелей.

Если идти дальше в вопросе определения смирения, то надо сказать, что оно предполагает осознание истины о себе, о том, кто я есть на самом деле. Осознание того, что я – Божье дитя, дочь или сын Небесного Царя, и я в силу этого обладаю огромным достоинством и величием. И это настоящее величие, не воображаемое. Откроем Первое послание к Коринфянам, главу 3 (16–17). Посмотрите, в чем заключается это настоящее величие: «Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас? Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог: ибо храм Божий свят; а этот храм – вы».

Итак, смирение – это, с одной стороны, осознание нашего достоинства. И если я осознаю свое достоинство Божьего дитя, я очень глубоко задумаюсь, стоит ли пачкать его грехом. Я не буду тогда идти на компромисс, прикидывая, где согрешить поменьше, а где побольше. Когда человек начинает осознавать свое величие перед Богом, он вследствие этого начинает меньше грешить. Не может быть такого, что человек, начиная понимать, что значит быть Божиим дитем, одновременно продолжает осмысленно грешить.

С другой стороны, смирение – это осознание нашей слабости, которая есть часть нашей человеческой природы: с одной стороны, мы – вершина творения, нам присущи огромное достоинство и величие, а с другой стороны, мы слабые и ограниченные. Это надо осознать, и осознать даже не саму слабость, а в первую очередь то, что мы – создания, не создатели.

Подростки мне однажды сказали: «А иногда так хочется, чтобы были создателями». «Да, – я говорю,– а вы уверены, что вы бы порядок в мире навели?» Они говорят: «Конечно, по своему собственному образу и подобию». Есть один смешной фильм, в котором человек встречается с Богом и получает от Него разрешение одну неделю побыть Богом. Сколько же он беспорядка натворил за эту неделю! Фильм, с одной стороны, очень смешной, фантастический, но с другой стороны, показывает очень важную истину, что человек не может охватить такой масштаб деяний. Так вот, проявление смирения – это осознание собственных границ: я знаю, чего я могу, и знаю, чего не могу. И, следовательно, я знаю, на что могу согласиться, а на что не соглашусь. Но об этом чуть позже.

«Смирение» по латыни будет «humilitas». Слово это происходит от «humus» – земля. Можно сказать, что смирение – это согласие на всё то, что у меня является теневой стороной. Я это принимаю – принимаю не только свое достоинство, но и свою тень. И смирение есть эта гармония между великим и малым в нас, между стремлением к высокому, святому и тем, что иногда мы не хотим стремиться, или стремимся к низкому. Гармония нашей личности – это и есть смирение. Смелость признать полную правду о себе, об этих двух своих сторонах.

Чтобы человек осознал истину о себе, он прежде всего должен встретиться со свой слабостью и со своей ограниченностью. Иногда бывает так, что человек приходит к Богу и начинает молиться, и вот он думает, что теперь нужно поменять характер, приобрести много добродетелей и, короче говоря, быть хорошим мальчиком или хорошей девочкой. Так ему кажется, и он серьезно старается, пытается стать совершенным. Но дело в том, что в нашей духовной жизни речь должна идти не о совершенстве, а о встрече с Богом и встрече с самим собой. Мы можем так себя поставить и так себя вести, что будем выглядеть просто «идеалом», а встречи с Богом при этом не произойдет. Дело вовсе не в том, чтобы создать себе какую-то маску или имидж и так выступать перед другими людьми, а иногда – и перед самим собой.

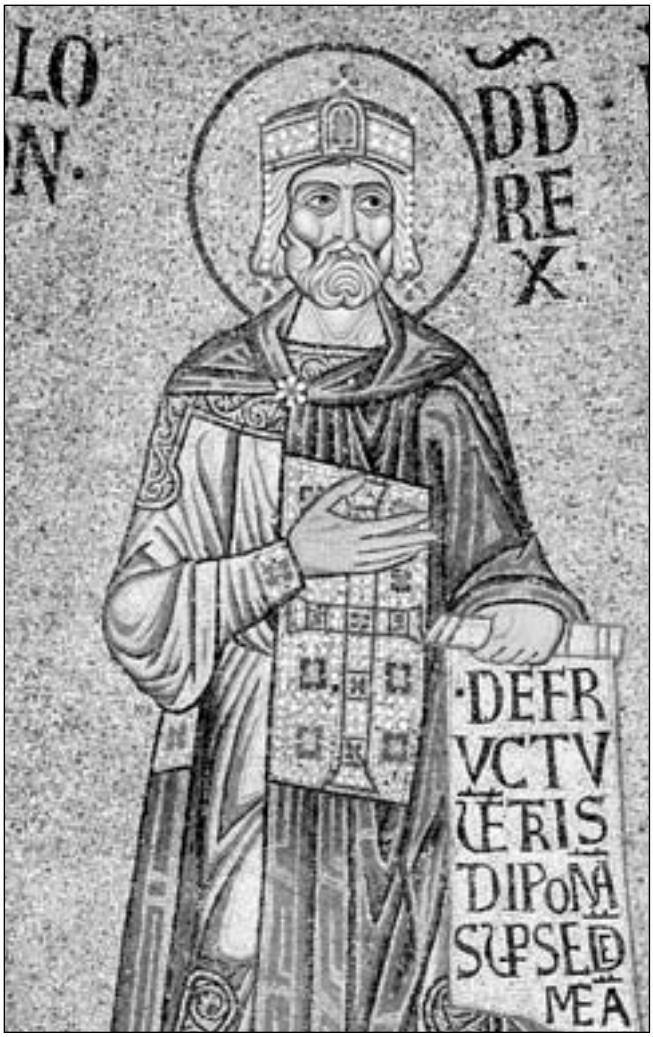
Есть еще один момент. Иногда мы думаем, что должны своими усилиями приобрести какие-то великие добродетели. Собственные силы быстро заканчиваются. Я помню, как один мужчина сказал мне: «Я чувствую себя распятым на Десяти заповедях». Так и будет, если я собственными усилиями хочу показать Богу, какой я хороший, совершая много добрых дел, я быстро устану. И это как раз противоположно смирению. Мы не можем быть совершенными собственными силами. Божественное величие и наша ограниченность все время борются в нас. Святой апостол Павел тоже об этом пишет: «Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю» (Рим 7, 19).

Или иногда бывает еще так, что мы хотим заслужить чего-то у Бога добрыми делами, ради этого строим хорошие отношения даже с врагами и т. п. Нам кажется, что таким образом мы заслуживаем у Бога похвалу или «небо» после смерти и так далее. А тут вдруг Иисус говорит такие «странные» слова фарисеям, которые очень много добрых дел делали: «Блудницы вперед вас идут в Царство Божие»

(Мф 21, 32). На самом деле, это были страшные слова, потому что фарисеи всю свою жизнь посвящали добрым делам. Правоверные фарисеи делали добрые дела, соблюдая закон, включающий 613 правил, и они старались все-все их соблюдать.

Итак, допустим, что я своими усилиями хочу чего-то достичь, например, я хочу «заслужить» у Бога счастье вечное, или место на небесах, или место на этой земле, или любовь другого человека. Любовь или есть, или её нет. А насчет любви Бога, тут уж нам точно не нужно ничего «заслуживать», потому что сам факт нашего зачатия – это доказательство того, что Бог нас любит. Если бы Бог не любил, нас бы просто не существовало. Один только факт нашего существования говорит о том, что Бог любит человека. И тут никакого философствования даже не нужно.

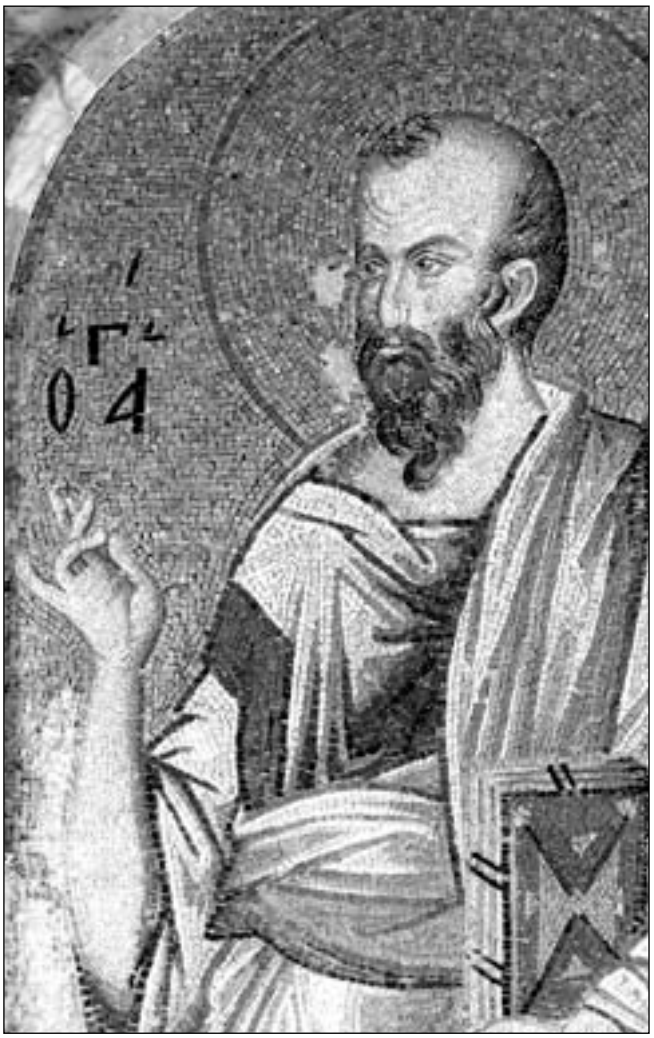
А нужно другое – признание своей слабости, нищеты, ограниченности. И одновременно признание того, что есть выход. А выход – в надежде, вытекающей из достоинства, данного нам Богом.



Теперь несколько примеров из Библии. Посмотрите, какой путь проходит Авраам, отец всех верующих. Он общался с Богом, он был очень верен Богу. И настоящая, самая глубокая встреча с Богом произошла только тогда, когда Авраам оказался в ситуации, потребовавшей доверия Богу на все сто процентов. Бог сказал ему принести в жертву своего единственного сына. Если не идти дальше, остановиться только на этих словах, можно легко потерять веру, надежду и любовь, и вообще всё на свете. Но это не конец истории, это только начало. Авраам идет со своим сыном Исааком на гору, которую указал Бог, чтобы принести сына в жертву. В самый последний момент, когда Исаак, связанный, лежит уже на жертвеннике, и скорее всего Авраам взял уже нож, чтобы убить своего сына, является ангел Божий и говорит: «Не поднимай руку на сына своего». В самый последний момент. И вот этот момент, который связывает Авраама с Богом действительно на жизнь и на смерть, и есть настоящая встреча.

Царь Давид, например, тоже интересный персонаж. В подростковом и юношеском возрасте он был верующим человеком, беззаботно пас стадо отца и пел Богу псалмы. И всё было очень хорошо, казалось бы, он доверял Богу. Бог выбирает Давида, чтобы он стал царем Израиля. Страна процветает, людям живется хорошо. Царь Давид молится, он даже хотел построить храм Богу в Иерусалиме, но Бог сказал, что это сделает сын Давида, Соломон. И, казалось бы, Давид вместе с Богом. Но приходит момент искушения, Давид видит прекрасную купающуюся женщину, Вирсавию, и велит своим слугам привести ее к нему. А Вирсавия замужем. Давид совершает сначала грех прелюбодеяния, а потом пытается склонить мужа, чтобы он пошел к жене, поскольку Вирсавия говорит Давиду, что она беременна. Грех скрыть не получилось (слава Богу, про аборт тогда не думали), и Давид совершает грех убийства. Муж Вирсавии идет на войну, и Давид велит военачальнику поставить его там, где сражение будет самое серьезное, а потом отступить с войском. И только после этих грехов Давид начинает понимать, насколько он слаб. До этого он был великим царем, с которым считались другие цари, которого боялись.

Только после этой встречи с самим собой Давид начинает понимать, как он слаб и как велико Божье милосердие, потому что к Давиду приходит пророк Нафан и рассказывает притчу про овечку. Это прекрасный эпизод. У человека была одна овечка, он её любил и лелеял, а у его соседа было огромное стадо, и этот сосед пришел и забрал эту единственную овечку у человека. «Как ты считаешь, царь, чего достоин такой человек?» – спрашивает Нафан. Давид отвеча-



ет: «Смерти достоин». А пророк ему в ответ: «Это ты тот человек». Давид раскаивается в своём грехе. Он раскаивается, несмотря на то что он могущественный царь. И после этого молитвы царя Давида становятся совсем другими...

Апостол Петр и апостол Павел. Петр – открытый человек, он всем сердцем хочет служить Иисусу. «Господи, я за Тобой до конца, я с Тобой даже на смерть». А Иисус ему говорит: «Прежде нежели пропоет петух, **трижды отречешься** от Меня» (Мф 26, 30). Чтобы придти к осознанию своей слабости, не обязательно нужно пройти через грех, но обязательно нужно пройти через слабость. И Петр, действительно, испугался обычной служанки, у костра, во время суда над Иисусом. Она говорит: «И ты был с Иисусом Галилеянином». А он трижды сказал, что не знает Его. Потом выводят Иисуса из суда, они смотря друг другу в глаза, и Петр выходит с этого двора и начинает плакать. Вот «встреча с собой» у Петра.

Апостол Павел был фарисеем, он звался в то время Савлом, соблюдал все заповеди и все правила. Он был уверен, что христиан нужно сажать в тюрьмы и даже убивать, потому что это очень опасная секта, и он ехал в Дамаск как раз этим заниматься. И вдруг появляется на его пути Иисус и говорит: «Савл, Савл, почему ты гонишь Меня?» Савл встречается с Истиной. И встречается с проблемой собственной веры, и принимает Иисуса как Спасителя, хотя раньше как мог отвергал Его.

И если так пройтись по всем библейским персонажам, которые пришли к Богу, у каждого из них вы увидите момент слабости, момент её осознания и момент настоящей встречи с Богом.

* * *

И теперь, мои дорогие, как же нам придти к этому смирению, к истине о себе? Иисус говорит: «Познаете истину, и истина сделает вас свободными».

Как начать путь к смирению?

Вот четыре шага. Они сложны, но их только четыре.

Первое – встреча со своими чувствами.

Второе – встреча со своими болезнями. Когда я говорю «встреча», я имею в виду примирение. Что же с ними делать: бороться или примиряться?

Третий шаг – встреча с болью прошлого, мое отношение к психическим ранам, которые я получила в детстве, в подростковом возрасте, во взрослом возрасте.

И четвёртое – это испытание беспомощностью, или, еще можно сказать, испытание поражением. То есть это момент, когда мы начинаем терять контроль.

* * *

Теперь я коротко расскажу про эти шаги.

Первый шаг – встреча с нашими чувствами. С положительными чувствами мы с большим удовольствием встречаемся. У нас радость – «о, классно!» Еще какое-то положительное чувство, спокойствие, какая-то гармония, внутренняя тишина – очень здорово!

А вот когда приходят отрицательные чувства, мы, бывает, их вытесняем, то есть не хотим признавать, что такое переживаем, потому что эти чувства напоминают нам о нашей ограниченности. Например, гнев или сексуальное влечение. Я хочу быть «великой личностью», а тут мое сексуальное влечение. Смешным оно будет, когда я себя принимаю, а когда я себя не принимаю, то оно мне кажется не смешным, а концом света. Или это может быть какой-то страх.

Так вот, первый момент – это признать существование отрицательных чувств и немного с ними поговорить, т. е. присмотреться к ним. Например, вместо того, чтобы себя уговаривать, что у меня нет гнева, хорошо бы посмотреть, в чем дело. Потому что гнев чаще всего возникает тогда, когда я чувствую, что ответственность за свою жизнь я сама же отдала в чьи-то руки. Сейчас объясню. Одна женщина рассказала мне такую историю: «Я очень люблю людей, я всегда к людям открыта, очень хочу общаться, и я общаюсь, а потом эти люди делают меня несчастной. Они начинают всякие гадости делать или говорить, и мне становится плохо». Это та ситуация, когда я вопрос моего счастья отдаю в руки другому человеку. «Если эти люди меня примут и полюбят, я буду счастливой. Если они меня не примут, я не буду счастливым человеком». Так может происходить, например, в рабочем коллективе. Любят меня коллеги – у меня самооценка поднялась, комплекс неполноценности исчез, мне хорошо. А вот когда они начинают всякие гадости делать или говорить... Разумеется, за спиной (если в лицо говорят, они, вообще-то, молодцы), а вот за спиной начинают всякие гадости говорить, и я от двадцать пятого человека узнаю, какая же я! И начинается у меня беда, траур, я не могу прийти в себя. Как же они так могут, я же этого не говорила, я этого не делала, а они такое про меня говорят! И еще не такое могут сочинить! В этой ситуации я свое равновесие, свое нормальное самочувствие отдала в чужие руки, т. е. от мнения других людей зависит мое спокойствие или моя внутренняя гармония. Если они будут говорить про меня всегда хорошо, я буду счастлива, а если начнут говорить про меня плохо, я буду несчастным человеком. Вот это и значит отдать ответственность за свое счастье другим людям.

В какой-то момент начинает подниматься в душе человека здоровый гнев. Этот гнев сначала направлен на окружающих людей. Но если посмотреть, где же он начинается и чего он касается, тогда понимаешь, что вообще-то не в этих людях дело, а в том, что мне кажется, будто они могут сделать меня счастливым человеком.

Теперь давайте посмотрим на наши страхи: «что обо мне скажут», «примут меня – не примут», «а если я не спасусь» и т. д. И всякие другие страхи: какие-то навязчивые моменты, неисполненные ожидания, разочарования. Все это мы не вытесняем, а только в это входим и смотрим: что это чувство мне говорит обо мне. Поговорили с собой, увидели ситуацию, прочувствовали, снова поговорили. И каждый раз, делая это, говорите: «Господи, я перед Тобой». И тогда вы будете по-настоящему молиться и по-настоящему с Богом встречаться! «Вот я, посмотри, Господи, на меня, вот так сегодня выгляжу, я нуждаюсь в Твоей помощи», или «нуждаюсь в Твоем исцелении».

Только не молитесь о том, чтобы вы были совершенными: «Господи, как же я так могла поступить! Ты мне помоги, чтобы в другой раз я никогда так не поступила». А почему мы так иногда молимся? Почему я говорю о совершенстве? Потому что часто это наша гордыня: «Как это я могла ошибиться? Как я могла на людях проявить какую-то незрелость? Это вообще немыслимое дело!» Нет, я есть, какой есть, и с такими чувствами, какие есть, стою перед Богом. «Господи, у меня гнев, даже не гнев, а бешенство, пошла бы и убила», – вот так тоже можно поделиться с Богом тем, что у меня на душе. Это настоящая молитва, ты встречаешься тогда с собой, со своей душой и с Богом, Который всегда человека ведет именно к моменту, где он начнет говорить прав-

ду наконец-то. Помните встречу самарянки с Иисусом? В Евангелии от Иоанна можете этот момент найти и почитать (Ин 4, 4–29).

Самарянка встречается с Иисусом у колодца. Иисус говорит ей: «Дай Мне пить». А она в ответ: «Как ты, будучи иудей, просишь пить у меня, самарянки?» – ведь иудеи враждовали с самарянами. Он же вроде как и не отвечает на этот вопрос, Он продолжает дальше разговор, потому что ждет момента, когда она начнет говорить действительно о себе. Потом Иисус говорит: «Если бы ты с знала, с Кем говоришь, ты бы у Меня просила о воде». Она начинает думать, что, может, он пророк. И задает вопрос практического плана (женщина ведь!): «Как Ты мне дашь воды, если Тебе нечем черпать?» А, нет, это живая вода. Значит, это что-то другое, думает она, видимо, это все-таки пророк. И тогда самарянка задает «религиозный» вопрос: «Слушай, так как правильно молиться, где? На горе, где мы молимся, или у вас в Иерусалиме, в вашем храме – где правильно, где истина?» А Он ей говорит: ни там, ни там.

И тут Иисус берет инициативу в Свои руки. Он видит, что самарянка хочет с ним общаться. Так бывает и в нашей жизни: мы много лет молимся, ходим исправно в храм по воскресеньям, исповедуемся раз в месяц, причащаемся каждое воскресенье... И так может много лет пройти. И в какой-то момент Иисус говорит: ну всё, полнота времени для Анны, Татьяны, Ирины наступила, вот теперь я беру инициативу в свои руки. Иисус говорит самарянке: «Пойди, позови мужа твоего и приди сюда». И тут она понимает, что Он, видимо, про это знает, и говорит: «У меня нет мужа». Иисус доводит разговор до больной точки. Зачем? Чтобы человеку было плохо? Никак нет! Чтобы человек предстал перед Ним настоящим, какой он есть, потому что только в этот момент можно встретить Бога. А когда встречаешь Бога, сразу находишь исцеление. «У тебя было пять мужей, и тот, которого ныне имеешь, не муж тебе; это справедливо ты сказала». И тут – начало исцеления самарянки. Она видит, что Он не ругает её, просто они пришли наконец к этой истине, которая освобождает, поговорили. А она побежала в город звать всех: «Пойдите, посмотрите Человека, Который сказал мне все, что я сделала: не Он ли Христос?» Бывает и в нашей жизни такое: много лет прошло, молились так, как полагается, и вдруг какой-то поворот наступает. Иисус берет инициативу в Свои руки и хочет с нами поговорить.

Еще надо сказать о страхе одиночества. Под влиянием этого страха люди много ошибок делают, особенно девушки и женщины. «Если буду дальше ждать, замуж не выйду, мне уже тридцать». И вот, кто первый на улице попадется – мой, какой бы там ни был. Или же, если муж ушел или овдовела рано: «Всё, я не могу быть одна...» Как будто «одна» – это какой-то порок. Мне очень нравится один рассказ про страх одиночества.

*Преследование**

Деревенский атеист вбежал в кафе и уселся рядом со св. Линасом, повернувшись спиной к двери так, чтобы избежать встречи с одной вдовой, которая никак не хотела оставить его в покое.

«Я не понимаю, почему она преследует меня», – пожаловался он.

«А, это потому, что ты похож на ее третьего мужа», – ответил св. Линас.

«Третьего? Она же всего два раза была замужем!» – спросил атеист.

«Вот именно».

Итак, женщинам чаще присущ страх одиночества. Если говорить о мужчинах, то их преследует страх потерять силы, потерять потенцию (я имею в виду сейчас только сексуальную потенцию), страх, что окружающие их не одобрят. У мужчины страхи немножко по-другому выглядят.

Второй шаг – встреча с нашими болезнями и старостью. Вопрос старости встает не только для людей, которым за восемьдесят. Есть такое явление – «кризис среднего возраста», второй половины жизни, когда человеку сорок или немного за сорок. «Ничего у меня в жизни не получилось, кризис, никаких значительных достижений, а впереди – только старость». Возможно, у человека просто накопились нерешенные проблемы, но все списывается на «кризис среднего возраста». Ну, а даже если и так, то во время кризиса среднего возраста как раз можно начать встречаться с собой и с Богом и потихоньку выходить из этого кризиса.

Болезнь – это такая ситуация, которую мы не можем контролировать. Было всё хорошо, и вдруг – простуда, температура сорок градусов, и всё – я лежу, ничего не соображаю, не могу ничего нормального сказать и т. д., то есть не контролирую ситуацию.

Как мы рассуждаем и что обычно делаем? Занимаемся профилактикой: чтобы нам подольше не постареть или, во всяком случае, не увидеть признаков старения, и тут на первый план выходят диетология,

** Цит. по: Пэджден Ф. Цветочки святого Линаса. – М.: Издательство Францисканцев, 2012.*

косметология и т. д. А если заболел, то главное – уговорить себя, что в этом нет ничего страшного. Если же это действительно страшно, то главное – человеку, который болеет, об этом не сказать. А может быть, сказать – это был бы как раз спасительный момент для человека.

Когда человек признает в болезни свою слабость и беспомощность, признает, что не может ситуацию контролировать и что действительно дело плохо, он начинает от чистого сердца обращаться к Богу – и тогда, действительно, он может выздороветь, и может произойти то, что мы называем чудом. Вот правильная позиция перед Богом: полностью открытое сердце, осознание своей слабости и осознание того, что я действительно нуждаюсь в помощи.

Третий шаг – это обращение к боли прошлого или к боли настоящего. Встреча с настоящей болью может быть болезненной, нелегкой встречей. Чаще всего от боли мы бежим. На самом же деле, надо посмотреть, что меня ранило и от чего мне больно. И принести это Богу, потому что только Он может исцелить по-настоящему. Иисус спрашивает: «Хочешь ли быть здоров?»

Вспомните человека, который лежал у источника Вифезда в Иерусалиме тридцать восемь лет. Когда начиналось движение воды, люди входили в источник и исцелялись. А этот человек был парализован, и никто не мог окунуть его в источник. Иисус ни слова не сказал в ответ на его жалобу. Не жалел его, не говорил: «Какой ты бедненький»... Только спросил: «Хочешь ли быть здоров?» Очень короткий вопрос. А тот не ответил просто «да», но сказал: «Да, но знаешь, нет человека, который...» То есть что у него было в мыслях? – Что исцелиться можно одним-единственным способом. И в нашей жизни тоже так бывает: от этой болезни мне поможет только экстрасенс, от этой – только заговор. А еще бывает так: в этой ситуации мне поможет только дружба с Ольгой, в этой ситуации – только замужество. Ну, и так далее. Я сам (сама) знаю, что должно помочь, и, на мой взгляд, нет другого выхода.

А на самом деле надо осознать ситуацию беспомощности, которую я не могу контролировать – и с открытым сердцем прийти с этим к Богу. «Господи, так вот и так, мне очень больно, и я нуждаюсь, чтобы мое сердце было исцелено. Ты это можешь сделать».

Четвертый шаг – это испытание беспомощностью или поражением. Допустим, вы замечательный специалист, дела на работе идут отлично, все на вас надеются, и вдруг раз – вы подвели. Бывает так в жизни? Бывает. И что? Есть два выхода, всегда есть два выхода. Говоря библейским языком, есть выход апостола Иуды и выход апостола Петра. Петр вышел и заплакал, а Иуда пошел и повесился.

Иногда поражение может быть просто следствием нарушения границ. Пустили совсем незнакомого человека в свое сердце, а потом сидим и плачем, что нас предали.

Итак, что можно сказать в заключение? Смирение – это отличная вещь, но дорога к нему нелегка. Но знаете, когда начинаешь чувствовать его силу, делается так спокойно внутри, и думаешь: «Вся эта боль, болезни и т. д. – они мне, оказывается, нужны, потому что они привели меня вот к этому умению смиряться». Сама болезнь – это не здорово, нет. Но она стала средством, которое привело меня к смирению. Появляется внутренняя гармония, внутреннее спокойствие, внутренняя свобода. И вот это всё и есть смирение.

Так что смирение – это вовсе не позиция, когда ты всем говоришь «да-да-да» (это приспособленчество, а не смирение). Или еще головку вот так склоним красиво и тихим голосом скажем: «Я с вами согласна (или согласен)». Это не смирение, это, скорее, терпение. Терпение – тоже не смирение. Да, терпение может быть мудростью, но терпение также может быть вызвано страхом. «Да чего тут пытаться, точно ничего не получится у меня». И тогда прикрываюсь терпением: «Ну, надо терпеть, ничего не сделаешь». И так вот и терплю, и все терпим. Однажды во время молитвы Крестного пути, в момент первого падения Иисуса, дети мне говорят: «Мы знаем, что бы ни происходило, надо терпеть». Думаю, ага... Второе падение Иисуса – терпеть, третье падение – терпеть. Я в какой-то момент говорю: «Если можно что-то в жизни сделать, изменить, то не надо терпеть!» Хотя, конечно, есть множество ситуаций, когда действительно надо терпеть. Например, подождать, когда другой человек будет готов к разговору. Повторю, что терпение может быть мудростью, но терпение может быть также скрытым страхом, поэтому нужно это различать. Терпение может быть связано со смирением, а может быть вовсе не связано с ним.

Смирение ведет к гармонии личности. «Господи, я – Твое творение, сознаю это, и это очень здóрово. Но я не творец. Иногда мне это так не нравится, но я согласна, буду принимать это», – такая позиция еще не есть смирение. А вот когда ты говоришь: «Господи, ты мой Творец, и это так прекрасно! Я – Твое творение, и это тоже так прекрасно». Вот это смирение. Ты не просто это осознаешь теоретически, но в душе переживаешь. Так что желаю вам счастливого пути к смирению! ⊙

По материалам sestrapavla.wordpress.com

Андрей Буко OFMConv

Тишина Молчание Молитва

Говорить о молчании нелегко. Сам факт говорения опровергает доводы в пользу молчания. Немецкий философ Хайдеггер сказал так: «Говорение и писание о молчании порождают развратнейшую болтовню». Но молитвенное молчание созидательно, и мы будем говорить именно об этой его созидательной стороне, то есть о встрече с Богом.

Я многое почерпнул из книги «Эстетика молчания» Марины Михайловой, современного филолога и философа. Она пишет, что искала в философских словарях и энциклопедиях определение молчания и ничего не нашла. В некоторых трудах дается такое определение молчания: «самоотрицание звучащего высказывания во имя утверждения невербальных ценностей».

Молчание с богословской точки зрения – это нечто иное. Оно – не самоотрицание и не отсутствие, а Присутствие.

Насколько в начале третьего тысячелетия, которое развертывается как «тотальное ток-шоу», уместна речь о молчании? Может быть, практика безмолвия имеет уже только историческую ценность? Сейчас успешно только то, что с умением представлено – прежде всего, вербально. Насколько сегодня актуален подвиг священнобезмолвия монахов, которые удаляются в пустыню?

Наш мир наполнен информацией, иногда очень агрессивной. Человек не в состоянии ее переработать. Мы затрачиваем множество усилий на это, и потому у нас часто не остается времени и сил на встречу с самим собой.

Ловушка средств массовой информации – в комфортности их потребления. Все доступно и удобно, телевидение и Интернет круглосуточно развлекают человека. Но «развлекать» буквально значит «растаскивать в разные стороны». Вместо состояния собранности для того, чтобы мыслить и действовать, мы оказываемся в состоянии «разобранности», разбросанности, и теряем жизненные силы.

Возвращение к себе возможно только в уединении.

Первая помеха, которая возникает на пути к тишине – это шум. Информационный, прежде всего: мобильное общение, телевидение, Интернет... Информация просто «кидается» на нас с реклам. И эта информация – к тому же еще и плохого качества, что вызывает у нас дисгармонию и раздражение.

Вторая помеха – это шум физический, вибрационный. Мы даже представить себе не можем, в какой тишине жили люди еще двести лет назад. Какие звуки долетали до них? Пение птиц, шум дождя, звон колокола, цокот копыт лошади... Но сейчас нас отвлекают гораздо более мощные звуки: шум шоссе, грохот мусороуборочной машины под окном... Этот шум заполняет нас.

Врачи говорят, что частичная и полная потеря слуха нередко связаны с подсознательным нежеланием человека слышать окружающие шумы. Кроме того, человек постоянно ведет диалог внутри себя: мы мысленно приводим аргументы, опровергаем суждения, делаем выводы. И часто человек такой шум поддерживает в себе, потому что боится встречи с самим собой, своими проблемами, либо с Богом. Мы прячем за этим диалогом свою внутреннюю тоску, нежелание встретиться с Богом.

Говоря о практике священнобезмолвия в западных созерцательных орденах, мы будем говорить о молчании как о форме духовного опыта.

Для начала стоит определить несколько терминов. В русском языке мы различаем молчание, тишину, немоту и умалчивание. Молчание отличается от тишины, тишина – это природное состояние, а молчание свойственно только человеку. Немота – это языковое бессилие, состояние болезненное и аномальное, человек его не выбирает, тогда как молчание – это свободно выбранное поведение. Человек немотствовать бывает обречен, но молчать он предпочитает осмысленно. Умолчание свойственно человеку, которому хватает сил не лгать, но недостает мужества сказать правду, и тогда он молчит, что свидетельствует о его духовной несостоятельности.

Федор Тютчев писал так: «Есть соответствие между тишиной в природе и молчанием человека. Тишина раскрывает созерцателю последние глубины мирозданья. Молчание раскрывает сердцу последние глубины духа. Где нет тишины, не будет и молчания. Где живет молчание, там будет и тишина. Из Божественного молчания и тишины приходит творческое слово». Как мы видим, тишина и молчание тесно взаимосвязаны. Тишина – это условие молчания, среда, в которой оно рождается.

Почему молчание – это духовный опыт? Зачастую, говоря о «духовном человеке», предполагают, что этот человек имеет культурные и нравственные ценности, обладает «окультуренной душой». Но наличие этических норм, интеллектуального и культурного багажа вовсе не тождественно духовности человека. Духовность связана с понятием Духа. Дух Божий – это творческая сила, которая созидает мир. Он созидает все сущее и обновляет лицо земли. Об этом мы читаем в Книге Бытия. Дух сообщает людям вдохновение, дает им новое сердце: «и дам им сердце новое, и дух новый вложу в них...» (Иез 11, 19). Бог дает нам новый дух, который делает нас новыми людьми. Дух исходит от Бога, это дар и благословение свыше. Святой Дух – это одно из Лиц Пресвятой Троицы. Это не только Его сила, действующая в этом мире, но само Его Присутствие.

«Дух дышит, где хочет» (Ин 3, 8) – его трудно уловить. Поэтому «духовный опыт» – это не какая-то занудная статическая духовность, достигаемая путем самосовершенствования. Это дар свыше, для принятия которого мы должны быть открыты. Дух Божий невозможно накопить. Можно только оставаться открытым для Него, чтобы его принять.

Апостол Павел говорит: «Где Дух Господень, там свобода» (2 Кор 3, 17). Дух Господень не сковывает нас, не лишает нас собственной воли, но, наоборот, раскрепощает и дает нам вдохновение.

И потому «духовность» – это не интеллигентность, «окультуренность» или душевное совершенство. Это открытость Святому Духу.

Мы сотворены по образу и подобию Божьему, и значит – Дух Божий живет и действует в нас. Если есть, с одной стороны, Дух Божий, а с другой – мы, то между нами должен существовать диалог. Вся Библия – от Бытия до Апокалипсиса – это история межличностных отношений Бога и человека. Но это диалог, который совершается в молчании.

В богословии иной подход к молчанию, нежели в философии. Богословие смотрит на молчание как на то, что предшествует слову, как на нечто созидательное. Вспомните начало Евангелия от Иоанна: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Иоанн говорит о творческой силе Бога, которая создавала мир. Бог сотворил мир своим Словом, Логос – второе Лицо Пресвятой Троицы. Вначале было Слово, но началу мира предшествовало Божественное молчание. В Боге общение совершается в полном молчании. Мы называем Бога Единосущным. Между Лицами Пресвятой Троицы – такое единство, что нет необходимости в вербальной коммуникации.

Игнатий Антиохийский в «Послании к магнезийцам» говорит о «Сыне, Слове Божьем, исшедшем из молчания». То есть молчание имеет некое независимое бытие в полноте Пресвятой Троицы. Если взаимоотношения Творца с миром осуществляются в Слове, то внутри Себя – в молчании. Молчание – это высшая форма Богообщения. Это подвигало многих отшельников искать Бога в уединении и молчании.

Диалог возможен только между теми людьми, которые умеют и говорить, и молчать. Чтобы услышать другого, нужно умолкнуть. Совсем иначе относится к жизни гордец. Он навязывает молчание другим, желая, чтобы слушали только его. А смиренный человек говорит для того, чтобы заговорили с ним. Поэтому важная черта священнобезмолвия – это предстояние в смирении, в ожидании, что Бог-Слово начнет с тобой говорить.

Св. Августин сказал, а за ним повторил Майстер Экхарт: «Лучшее, что мы можем сделать для Бога – это молчать, созерцая сокровища Божественной мудрости и любви».

Мы уже говорили о взаимосвязи между тишиной и молчанием. Одно является условием другого. В Евангелии есть только один эпизод, где встречается слово «тишина» – когда Иисус усмиряет бурю. Его можно найти в четвертой главе Евангелия от Марка.

Пока Христос спит, море и ветер буйствуют. Ученики теряются, они в панике. Как только Христос велит морю замолчать, наступает великая тишина, и Он начинает говорить с учениками.

Море всегда было символом этого мира, тянущего к погибели. Пока мы слышим шум моря, мы не слышим

Христа, Он словно спит. Но в тот момент, когда Христос повелевает морю умолкнуть и наступает тишина, ученики наконец-то слышат голос Христа. Обратите внимание, не просто сказано, что стало тихо, но что наступила «великая тишина». Иисус обращается к сердцам учеников, открывает им их сущность: «Что вы так боязливы?» Вы с Богом, но в вас еще столько страха! И как плод этого усмирения бури и слышания Иисуса рождается изумление и восхищение учеников. Такова молитва безмолвия. Она делает голос Бога слышимым и приводит нас в восхищение Его делами.

Мы говорили о «внутренней болтовне». Один монах спросил старца, почему люди так много суетятся. Старец ответил: «Они бегают вдоль и поперек по миру из страха встретиться с Богом лицом к лицу». Болтовня – это форма бегства.

Философ Владимир Бибихин писал: «Болтовня – это нежеланная, но неизбежная версия молчания, не сумевшего стать тишиной». Мы зачастую пытаемся воспроизводить чьи-то слова и мысли, потому что не можем высказать чего-то своего.

* * *

Картузианцы, один из безмолствующих орденов, не очень много пишут о себе. Мне доводилось читать некоторые из их изданий, которые они выпускают скорее для внутреннего пользования. Их язык очень прост.

Практика монашеского уединения возникла еще в IV веке. Начиная со св. Бенедикта, восточная и западная практики монашества немного разошлись. Орден картузианцев пытается совместить в себе восточную и западную традиции монашества. Он возник благодаря св. Бруно Кельнскому в 1084 году. Св. Бруно обладал прекрасными интеллектуальными способностями и активно внедрял в жизнь григорианскую реформу, но, поссорившись с собственным архиепископом, которого обвинил в симонии, он удалился в местность под Греноблем во французских Альпах. Там со своими братьями он основал пустынь по примеру египетских пустынников. Они живут вместе, но в совершенном молчании. Основная их цель – встретиться с Богом и отдать Ему себя полностью в акте любви, просто пребывать с Ним.

Говоря о своей духовности, картузианцы называют три важных условия, необходимых для того, чтобы дойти до этого полного внутреннего пожертвования себя Богу. Первое условие – жизнь чистая и праведная: «Для нас, картузианцев, благочестие особым образом выражено в нашем уставе. Это ве-

дение жизни настолько простой, что в ней нет места для забот, интриг, амбиций, беспокойного сердца людей этого мира. Наша жизнь должна быть, как чистая белая гостия, которую священник должен пресуществить». Второе условие – одиночество сердца. «Наше сердце, – говорят картузианцы, – это храм, больший, чем Иерусалимский храм».

Молчание собирает людей вокруг переживания высшей экзистенциальной реальности и создает священное пространство. Вспомните иерусалимский храм. Что находилось в Святом Святых? Ковчег, в котором лежали скрижали. А когда ковчег пропал – просто пустота.

Бог хочет, чтобы наше сердце стало подобным пространством, не занятым ничем другим, в котором мог бы пребывать только Он. Это пространство в нас есть, но оно зачастую чем-то «заставлено», как чердак старыми вещами. И в какой-то момент надо навести порядок и выкинуть все лишнее. И найти тот уголок, где Бог «спрятался» в ожидании, пока мы к Нему обратимся.

И третье условие, о котором говорят картузианцы – душа должна стала жертвой, приятной Богу, через руки Марии. Мария – раба, которая приняла Слово в молчании.

Заметьте, Бог не предал Своего молчания, когда пришел на землю. Большую часть своей жизни, тридцать лет, Он провел в молчании и в труде, разве что за исключением нескольких эпизодов. Иисус точно так же молчал на кресте, не демонстрируя Своей силы. Бог молчал и позволил Своему сыну умереть.

Это молчание неизбежно ставит нас перед Тайной. Сколько бы мы ни пытались в нее проникнуть, она все равно остается нераскрытой. Мы сталкиваемся с этой Тайной, когда в нашей жизни происходят сильные потрясения, переживания. Вспомните Иова: его имение разграблено, родственники умерли, он сам заболел проказой. Приходят его друзья. И сказано, что они семь дней сидели с ним в молчании. Они не находили слов перед тайной присутствия Бога и такого Его действия в жизни Иова.

Пророк Иезекииль после видения огненной колесницы при реке Ховаре возвратился к себе в стан и семь дней пребывал в изумлении – не мог говорить.

Встреча с Богом поражает, словно парализует, ее надо осознать, прежде чем сможешь сказать что-либо. Но эта встреча всегда происходит в любви. В молчании мы встречаемся с Богом, Который есть любовь. Именно любовь рождает ситуацию радикального молчания. Влюбленным нет нужды искать слова – они просто созерцают друг друга и умиленно наслаждаются друг другом.

О молчании и созерцании много писал Томас Мертон. Он говорил, что истинных созерцателей объединяет не пустыня и не одиночество, а умение быть там, где Христос. Сделать паузу, чтобы с Ним встретиться, почувствовать Его присутствие. Хотя для этого иногда нужно приложить немало усилий. Созерцание – это подвиг, аскеза. Мертон называет отшельника «младшим братом мученика». Но это мученичество, которое в итоге доставляет огромное удовлетворение и радость.

Молитва, рождающаяся в священнобезмолвии, – это не формула и не порыв чувств, изливаемый Богу. Это молчаливое, внимательное, благоговейное предстояние Богу, в которое вовлечены наше тело, ум, душа и дух. Однажды к митрополиту Антонию Сурожскому пришла пожилая женщина. Она пожаловалась, что уже много лет читает Иисусову молитву, но не ощущает благодати. На это владыка ответил: «Вы постоянно говорите, а Богу не даете слово вставить. Попробуйте помолчать». Через несколько дней женщина вернулась поблагодарить за хороший совет и рассказала, что, когда она молча села с шитьем у себя в комнате, и в тишине занялась делом, то через некоторое время она почувствовала глубокую радость и покой. «Я поняла, что Бог со мной и я – с Ним», – сказала она. Нам не нужно быть постоянно многословными в молитве. Бог иногда и рад бы «протиснуться» сквозь потоки наших речей, но мы Ему места не даем. Как только та женщина умолкла внутри себя, она почувствовала, что Бог с нею всегда, и ее шитье оказалось молитвой.

Хочу в завершение привести удивительные стихи поэтессы Зинаиды Миркиной. Она много пишет о тишине, полной присутствия Бога, и о молчании.

* * *

И разрасталась т и ш и н а.
Сперва была размером с крону
Берез, и вот – горе равна
И небу над вечерним склоном

Так где и в чем ее итог?
В чем тайна света на закате?
И если слово – это Бог,
То т и ш и н а есть Богоматерь.
. . . . . .

Благословенна т и ш и н а
Высот бледнеющих и ширей.
Ты Бога выносить должна
В своей душе и в этом мире. ⊙

Станислав Козлов-Струтинский

Почитание в России святого Антония Падуанского

Один из самых известных святых Католической Церкви и Францисканского Ордена, св. Антоний Падуанский, португалец по рождению, миссионер и проповедник по призванию, умерший 13 июня 1231 г. в монастыре Кампосампьеро и уже в 1232 г. прославившийся – по милости Божией – чудесами, происходившими на его могиле, почитался и был известен также в нашей стране. Причем его слава довольно рано пришла из Европы на земли современной России.

У венецианцев Таны (совр. г. Азов Ростовской обл. с окрестностями) было две «консорции» (общины, братства) со школами – Св. Марии и Св. Антония. Лука ди Фиенцо, капеллан и нотарий курии в Тане, 10 мая 1408 г. сделал этим школам солидный вклад, с условием, чтобы тамошние братья непрестанно молились о его душе. Община св. Антония неоднократно упоминается в актах 1359–1366 гг. Известно имя одного из священников школы – Амброджио. Св. Антоний считался покровителем рабов, а местные францисканцы и доминиканцы активно крестили именно их – ведь Тана была важным центром работорговли. В генуэзской фактории той же Таны в XIV веке был построен и храм во имя св. Антония.

В конце XVII в. на Украине и – позже – в собственно русских землях также получило некоторое хождение благочестивое почитание святого падуанского чудотворца. В один из церковно-славянских служебников того времени (до революции находившийся в Киевской духовной академии) даже вошел текст молебна в честь святого.

Фотокопия с иконы св. Антония, сохранявшаяся в семье высланных из Поволжья немцев-католиков (Штанг, с. Веселовка Глубоковского р-на Восточно-Казахстанской обл.). Восточно-Казахстанский архитектурно-этнографический и природно-ландшафтный музей-заповедник.

Практически одновременно в самой Москве появился один очень известный почитатель святого – из первых «русских католиков» – диакон Петр Артемьев. В 1698 г. священник Петропавловской церкви, к которой был назначен дьяконом рукоположенный патриархом Адрианом сын суздальского священника Петр Артемьев, ученик братьев Лихудов, выпускник Славяно-греко-латинской академии, друг (по некоторым сведениям – духовный сын) московских иезуитов, доносил на него: «После евангелия он читал поучение, похвалял в вере поляков, лях, Литву, прочитал молитву «Отче наш» на амвоне по-римски, приклякнув на колена, и иные некие молитвы прилагая римская. Носит он на себе вместо животворящего креста мошонку, а в ней образок латынина Антония Падвиянина, еретика суща. Глаголет исхождение Духа Святаго от Отца и Сына <...>».

Однако на территории современной Российской Федерации (исключая Калининградскую область) почитание св. Антония закрепилось через связи с белорусскими землями. На узкой полосе российско-белорусского пограничья возник, если можно так выразиться, «Свято-Антониев пояс» – 37,32 тыс. кв. км (примерно 0,22% от всей территории Российской Федерации, что примерно равно по площади сравнительно небольшим Рязанской или Ульяновской областям). Здесь в нач. XVIII – первой трети XX в. действовало двенадцать церквей и часовен – центров, связанных с почитанием св. Антония. В двух местечках (Сокольники и Микулин, соответственно – деревни Старосокольники Новосокольническо-

Православная церковь в дер. Микулино Смоленской обл. (бывш. церковь Св. Антония Падуанского монастыря францисканцев-обсервантов). Фото 1970-х гг. Центр по охране и использованию памятников Смоленской обл.

го района совр. Псковской области и Микулино Руднянского района Смоленской области) находились чудотворные изображения святого.

В местечке Микулин в 1710 г. была построена деревянная церковь Св. Антония. Первая церковь сгорела в 1804 или 1805 г., после чего богослужения совершались в сохранившейся трапезной местного монастыря францисканцев-обсервантов, в которой был установлен уцелевший престол св. Антония из прежней церкви – вероятно, вместе с иконой, впоследствии прославившейся в качестве чудотворной. Строительство новой каменной церкви было завершено в 1828–1829 гг., после чего храм и монастырь освятил гвардиан Теобальд Мурковский. Церковь имела три алтаря: главный алтарь св. Антония («в нем образ св. Антония в 3,5 аршина длины, частью посеребренный, частью вызолоченный...») и боковые – Пресв. Богородицы и св. Франциска. В 1839 г. церковь была закрыта и передана православному причту, но католикам было разрешено построить церковь в расположенном поблизости местечке Рудня. Строительство нового храма было завершено в 1842–1843 гг. 19 сентября 1866 г. приходская церковь в Рудне также была закрыта, одновременно был упразднен приход. Местные католики были распределены между Бабиновецким, Дубровенским и Станьковским приходами, утварь и иконы, включая чудотворный образ св. Антония Падуанского, были перевезены в церковь г. Орши, откуда впоследствии икона была передана в Витебск (несмотря на неоднократные прошения микулинских католиков о возвращении почитаемого ими образа в Микулин).

В 1874 г. микулинские прихожане добились разрешения МВД на устройство подвижного престола и периодическое совершение богослужений в одном из домов при местной почтовой станции. До 1876 г. этот дом, простую крестьянскую избу, они нанимали на условиях аренды, после чего в Микулине был открыт отдельный молитвенный дом в составе Витебского прихода (однако образ св. Антония остался в Витебске, и в настоящее время его следы затерялись).

В Сокольниках, куда в 1771 г. были призваны, одновременно с постройкой первой деревянной церкви, конвентуальные францисканцы, в 1794 г. была построена новая, каменная церковь Святого Имени Пресвятой Девы Марии и Св. Антония Падуанского. Во время передачи сокольнической церкви пуповичскому православному приходу (1867 г.) и перестройки храма властями, по просьбе Св. Синода, было решено – что для нас особенно интересно – один из престолов освятить во имя св. Антония Печерского, поскольку практически все местные жители (и католики, и православные) привыкли посещать храм, в котором до передачи православному духовенству находилась чудотворная статуя св. Антония, и молиться святому. К слову, многие прихожане (несколько сот человек) новоустроенной православной сокольнической церкви перешли из католичества в 1864–1867 гг. под давлением местных властей и полиции. Разумеется, им не просто было расстаться с любимым и почитаемым святым. В документах Синода особо отмечается, что устройство престола во имя св. Антония Печерского было призвано отвлечь местных жителей (в первую очередь православных) от почитания «латинского святого».

По воспоминаниям одного из жителей дореволюционных Старосокольников, Рафаила Лейбовича (запись находится в местной сельской библиотеке), с упомянутой чудотворной статуей был связан примечательный случай, ярко запечатлевшийся в памяти жителей местечка. «... Гигантская мраморная статуя этого святого была много лет тому назад вывезена из костела и водворена в каменной каплице-часовне, построенной специально для этой цели в двух верстах от костела (речь идет о времени, последовавшем за передачей храма православному клиру, вероятно, о конце XIX в. – *прим. авт.*). Однажды утром, войдя в церковь, священник в ужасе попятился: в нише на своем обычном месте стояла гигантская статуя святого Антония, облаченная в шелковую мантию, с венком из живых цветов на голове... В этот день католики праздновали память этого святого, и верующие (и даже неверующие) были озадачены этим чудом. Разумеется, понаехало всякого начальства из уезда и губернии: производили расследование и, ничего не обнаружив, ограничились тем, что беспокойного свято-

го увезли обратно в его обиталище. Но на следующий год в канун дня святого Антония тяжелая статуя-глыбища в 150–200 пудов снова оказалась в нише бывшего костела: снова производилось следствие, не давшее никаких результатов. Но когда «святой» в третий раз появился в своей нише, из Петербурга прибыли тайно матерые сыщики. Им удалось открыть тайну переселения святого Антония, и чуду был положен конец. Оказывается, в алтаре костела был обнаружен тайник, откуда начинался подземный ход, тянувшийся далеко к реке и выходивший на заброшенное польское кладбище, откуда статуя святого начинала свое путешествие. По делу о статуе привлекли группу католиков, проживавших в окрестностях нашего села...» К сожалению, это последнее упоминание о статуе. Ее последующая судьба до сих пор неизвестна.

Интересно, что после ликвидации властями католического сокольнического прихода его название полностью перешло к новому приходу в Великих Луках (совр. Псковская обл.). 5 марта 1887 г. МВД разрешило постройку молитвенного дома Преподобного Антония Падуанского и Святого Имени Богородицы в Великих Луках. Молитвенный дом был достроен к 1892 г., а с 1908 г. стал приходской церковью, действовавшей до 1930 г. В 1996 г. приходская община Великих Лук, носящая имя св. Антония, возродилась вновь (прежняя церковь не сохранилась, и новая часовня устроена в приобретенном приходом деревянном доме в частном секторе города).

После того как Смоленск в 1611 г. вновь отошел к Польско-Литовскому государству, там началась миссия францисканцев-обсервантов (или, как их называли в Центральной и Восточной Европе, «бернардинцев»). Вначале монахи служили в походном шатре, а 27 октября 1620 г. основали постоянный монастырь во имя Св. Антония Падуанского, существовавший до 1654 г. (находился в Кремле, на холме Васильевка). Вероятно, в первой трети XVIII века была открыта новая католическая церковь. Когда эта деревянная церковь во время войны 1812 г. сгорела, францисканцы построили в 1816 г. новую, один из престолов которой (правый, «писанный оптически на стене») был освящен во имя св. Антония. В нем находилась икона святого, «на коем пояс, венец над главою, и над Господом Иисусом венец, серебряные». Эта икона, пожертвованная, вероятно, действительным статским советником В. Колковским, упоминается и после постройки в 1839 г. новой церкви. Престол св. Антония в новом церковном здании также стоял справа, а для иконы к 1855 г. был приобретен серебряный оклад. Когда в 1894–1896 гг. была построена кирпичная церковь, сохранившаяся до сих пор, в ней вновь был установлен престол во имя св. Антония, вероятно, с прежним образом. Почитание святого католиками Смоленска к тому времени приобрело значительные масштабы, коль скоро 4 апреля 1912 г. настоятель свящ. Петр Авгло писал в курию: «Прихожане вверенного мне костела <...> глубоко чтят св. Антония Падуанского и торжественно празднуют». Поскольку память святого приходилась на 13 июня, настоятель, не желая обременять прихожан, занятых на полевых работах, просил разрешения перенести торжества в приходе на ближайшее воскресенье после этой даты. Кроме того, по крайней мере с 1830-х гг. рядом с храмом стояла часовня (вначале деревянная, затем каменная) во имя св. Антония.

Интерьер часовни Св. Антония Падуанского в Великих Луках. 2008 г. Фото автора.

В себежском храме также один из престолов (левый) был посвящен св. Антонию (в визитной описи 1834 г. указано, что икона на этом деревянном алтаре была «в серебряном окладе с Богомладенцем на руках»). В 1878 г. этот алтарь был переделан в готическом стиле. К моменту переосвящения храма по окончании ремонта в 1897 г. был окончен маленький придел св. Антония, и церковь была освящена могилевским суффраганом, еп. Франциском Альбином Сымоном во имя Пресв. Троицы и преп. Антония Падуанского. Однако в литургических календарях имя св. Антония не указывалось, и настоятель 1 мая 1899 г. просил митрополита «внести в календарь на 1900 г. второй титул Себежского костела – Св. Антония Падуанского. В праздник Чудотворца бывает обыкновенно громадное стечение народа, к исповеди приходят целыми массами из дальних мест, меж тем Губернатор не назначает в помощь соседних ксендзов, т. к. в календаре не сказано, что св. Антоний является патроном Себежского Римско-Католического костела...».

На Святопетровском кладбище Велижа (совр. «Польское» кладбище на Лидовой горе) кладбище Велижа до кон. 1930-х гг. стояла отдельная часовня св. Антония. Ее постройка в 1824 г. была связана с деятельностью велиж-

ского городского головы Иосафата Хрулевича, очень ревностного католика (члены семьи Хрулевичей построили в Велиже, кроме вышеназванной часовни, также римско-католическую церковь Успения Богородицы и униатскую Свято-Троицкую часовню на Заручевье). В часовню была перенесена из храма – после его перестройки в 1873 г. – «старая икона» святого. Вероятно, это было сделано для удобства почитавших его прихожан.

В Баево (совр. Тверская область) также с 1823 г. была деревянная часовня Св. Антония, действовавшая, по всей вероятности, до 1930-х гг.

В построенной в 1905–1907 гг. рославльской церкви Св. Иоанна Крестителя, кроме главного алтаря, был также престол св. Антония. Престолы св. Антония были устроены также в Велиже (в описи за 1833 г. икона св. Антония в нем названа «писанной на полотне и старой»), Невеле (алтарь св. Антония был украшен каменными колоннами, вызолоченными в 1879 г.; икона для этого престола, возможно, была вывезена из переданной православному приходу в 1865–1866 гг. церкви в Сокольниках; в невельском храме, кроме того, находился переносной алтарик для крестного хода – также с иконой св. Антония, – купленный в Варшаве в 1883 г.), в Шумячах (в церкви, существовавшей, возможно, с 1618 г.; и к 1808 г. построенной из камня, вместо прежней деревянной, св. Антонию был посвящен правый престол; в Шумячах также, в усадебном доме помещиков Голынских, в кон. XVIII в. была устроена часовня, в которой находилась икона Божией Матери, почитавшаяся у местных жителей чудотворной, иконы свв. Антония и Феодосия Печерских и – одновременно – Антония Падуанского), в Куркино (левый придел филиальной церкви велижского прихода, построенной в 1860–1861 гг., был посвящен св. Антонию, и в нем находилась икона святого).

Постепенно слава св. Антония охватывала и другие регионы нашей страны. Свидетельства о почитании св. Антония в Петербурге вообще имеют достаточно позднее происхождение, однако и здесь в связи с ним мы можем назвать несколько трогательных примеров. Интересно, что как минимум в трех случаях почитание св. Антония было связано с католическими благотворительными или учебными инициативами петербуржцев. Так, в 1902 г. Царскосельское Римско-Католическое Общество пособия беднейшим детям получило разрешение учредить училище, в котором к 1905 г. воспитывалось уже шестьдесят детей, и настоятель церкви, свящ. Станислав Пржирембель, подарил Обществу скульптуру св. Антония Падуанского, как «покровителя и защитника бедных и сирых детей». В нач. XX в. настоятель прихода св. Станислава, свящ. Витольд Чечотт основал при приходе тайную школу совместного обучения и интернат. Покровителем школы был избран св. Антоний Падуанский, статуя которого, установленная в училище, позже была вывезена в Польшу монахинями Пречистого Сердца Марии и установлена в Новом Мясте-на-Пилице. Слуга Божий Антоний Малецкий (епископ, Апостольский администратор Ленинграда в 1926–1935 гг., известнейший в свое время в Северной Пальмире католический благотворитель, ныне – один из кандидатов к беатификации среди российских католических новомучеников), открыв в 1895 г. на Кирилловской ул. в Петербурге приютский комплекс для мальчиков с часовней (с 1918 г. – филиальной церковью) Пречистого Сердца Пресв. Богородицы, установил справа от алтаря своего маленького домового храма статую св. Антония Падуанского. В сам же алтарь были помещены мощи свв. Франциска, Антония, Екатерины и частица Животворящего Креста Господня.

Престолы во имя св. Антония находились также в церквях Иркутска (сведений об особом почитании или о чудотворном образе в этом храме нет, однако в описи за 1888 г. упомянуто косвенное свидетельство личного почитания св. Антония кем-то из прихожан: «... у престола святого Антония когда-то с правой стороны находилось приношение, в виде сердца из чистого серебра, весом восемнадцать золотников, похищенное в ночь с 17 на 18 ноября 1880 года»), в Перми, в филиальной церкви Пресв. Богородицы Ченстоховской в Лигово под Петербургом, в церквях Посещения Пресв. Богородицы, Св. Станислава (поставлен в 1865 г. в особой часовне «с каменным створом и 1 окном, с деревянным престолом, имевшим 2 колонны и украшенным резьбой, за алтарем помещалась икона св. Антония – копия картины Мурильо, изготовленная в 1866 г., приобретенная каноником Добровольским за 125 руб.»), св. Казимира (деревянный престол с гипсовой скульптурой святого), в прокафедральном соборе Успения Пресв. Богородицы (левый боковой придел с образом кисти Б. Мурильо, оригинал кото-

Б. Мурильо. «Видение св. Антония». Копии находились в церквях Успения Пресв. Богородицы и Св. Станислава в Санкт-Петербурге

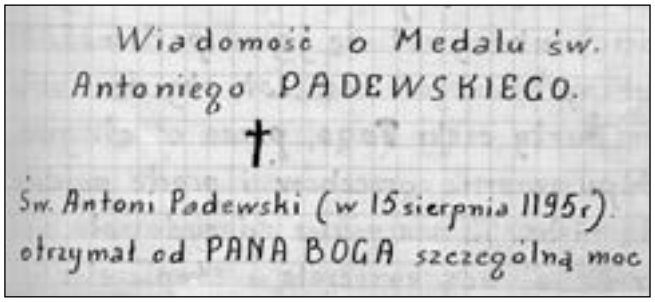
Алтарь часовни Пречистого Сердца Пресв. Богородицы на Кирилловской ул., 19 в Санкт-Петербурге (приют Слуги Божия Антония Малецкого). Справа – статуя св. Антония Падуанского. Фото нач. XX в.

рой находится в Государственном Эрмитаже) в Петербурге, Пскове (с иконой в золоченой раме, пожертвованной Белевичем). Память св. Антония Падуанского была одним из ряда праздников, «особо чествуемых» в Новониколаевском (совр. Новосибирск) приходе в нач. XX в.

Возможно, еще со времен служения францисканцев-обсервантов иконы св. Антония находились в читинском и московском Свв. Петра и Павла храмах, однако (и это отмечается в описях особо) их не относили «к числу особо чтимых». Со времен иезуитов в часовне Благовещения Пресв. Богородицы храма Св. Екатерины в Петербурге (справа от алтаря) находилась статуя св. Антония.

Храмы, посвященные святому, в дореволюционной России были построены в Креславке совр. Красноярского края (1905–1908 гг.); в Майкопе (1914 г.); в немецких поволжских колониях – Борегард-Приволжское (1864 г.), Крутояровка (часовня, 1887 г.), Ной-Обермонжур-Новокривовка (вероятно, 1912 г.), Отроговка (часовня, 1824 г.), Роледер-Раскатское (1876 г.), Штреккерау-Новокаменка (1876 г.), Грязноватка-Вишневое (1903 г.); в Томской губернии – Белосток (1908–1909 гг.), Мариинск (1903–1905 гг.), Томск (кладбищенская часовня, 1908–1909 гг.), Ломовицкое (1908 г.). Старая деревянная церковь Тобольска (1848 г.) была освящена во имя Провидения Божия, Свв. Антония и Станислава.

Святой Антоний оставил свой след и в истории русской литературы. Марина Цветаева написала в анкете, присланной ей Б. Пастернаком, что в 11–12 лет была католичкой (как раз в это время она училась в Лозанне и Фрибурге) и привыкла читать молитву св. Ан-



Wiadomość o Medalu św.
Antoniego PADEWSKIEGO.
†
Św. Antoni Padewski (w 15 sierpnia 1195 r).
otrzymał od PANA BOGA szczególną moc

Фрагмент рукописного молитвенника («Известие о медальоне св. Антония Падуанского»). Приход Божией Матери Лурдской в Ленинграде, кон. 1970-х гг. Архив автора

тонию. Возможно, что это произошло под влиянием французских гувернанток. Много позже поэтесса призналась в письме к некому С. М.: «Роюсь – уже безнадежно – в валиках кресла – нет, и сразу: «Ну да, конечно, – это Бог меня наказал за то, что я не переписывала и – с детства привычка – трижды: «St. Antoine de Padoue, faites-moi trouver ce que j'ai perdu...» [«Святой Антоний Падуанский, сделай так, чтобы я нашла то, что потеряла...» – *прим. авт.*] <...>

Вы никогда не поймете моего тихого ужаса. Если когда-нибудь теряли доверенную Вам рукопись – поймете, иначе – нет». Впрочем, Марина Цветаева, сохранив привычку к этой молитве, так и не стала христианкой в строгом смысле слова (ни православной, ни католичкой, а протестантизм ей вовсе никогда не был близок).

Разумеется, почитание св. Антония было распространено у монахинь «гонoратских» и францисканских конгрегаций и терциарских общин Петербурга-Петрограда, просуществовавших в городе и окрестностях (Овцыно, Поповка) как минимум до 1942 г. После разгрома советскими властями организованных общин молитвы св. Антонию заняли почетное место в личных – в том числе рукописных, самодельных – молитвенниках российских католиков. Иконы святого или их фотографические копии попадали с ними и в лагерь, и в ссылку и потом бережно хранились в домах верующих, оказавшихся на поселении в новых, незнакомых для них местах, часто во враждебном окружении. Святой португалец прошел с ними до самого Дальнего Востока, Заполярья и Средней Азии. Впрочем, разве это ново для странствующей Церкви, при общении ее святых?

А в том, что святого чудотворца продолжают горячо почитать и современные российские католики, можно убедиться, приглядевшись к людям, вместе с нами посещающими церковь, или расспросив своих знакомых. В крайнем случае – зайдя на католические форумы или странички «живых журналов». Или же – если сомневаетесь – потеряйте что-нибудь, особо для вас важное и нужное. Несомненно, текст молитвы сам собою «всплывет» в голове или сложится «от избытка чувств»...

И не стоит стыдиться «неуместного прагматизма» такой молитвы. Господь вошел в человеческую жизнь, «приняв образ раба» и «придя послужить». Почему же нам не могут служить – в том, что составляет человеческую жизнь со всеми ее «мелочами» – Его святые?

В настоящее время в России также действуют приходские общины, небесным заступником которых является св. Антоний: в Краснознаменске Калининградской обл., Городовиковске в Калмыкии, в Красном Пахаре Красноярского края (молитвенный дом открыт в 1995 г.), и уже упоминавшийся приход Св. Антония в Великих Луках Псковской области.

И, разумеется, братья-францисканцы по-прежнему распространяют в России почитание святого чудотворца. Между прочим, один из двух главных монастырей конвентуальных францисканцев, находящийся в Санкт-Петербурге (канонически основан 15 июля 2000 г.), носит имя Св. Антония.

С 13 по 21 сентября 2008 г. по России путешествовали мощи св. Антония, специально привезенные из Падуи. Паломничество началось с Санкт-Петербурга, где 13-го числа была освящена часовня монастыря конвентуальных францисканцев. До полуночи мощи святого находились в часовне, затем они побывали в Астрахани (16 сентября), Ростове-на-Дону (17 сентября) и Калуге (19 сентября). Торжественное богослужение 20 сентября и процессия вокруг кафедральной церкви Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии в Москве завершили это паломничество. С молитвой к святому приходили и приезжали многие люди – нередко издалека, поскольку католические приходы России находятся на значительном расстоянии друг от друга.

«В России мощи святого Антония побывали в первый раз, но в этой стране живет удивительная, цветущая и крепкая любовь к этому святому в почитании верующих...», – сказал по окончании паломничества один из сопровождавших мощи святого итальянских францисканцев, о. Алессандро Ратти. ⊙

Фрагмент Литании святым и блаженным Серафического Ордена – молитвенник «Малый терциарский служебник кающихся братьев и сестер третьего Ордена св. отца Франциска Серафического, изд. о. Флорианом Капуцином. Краков. 1904. Приход Божией Матери Лурдской в Ленинграде. Нач. XX в. (?). Архив автора

Święty Fidelisie, módl się za nami.
Wszyscy święci Męczennicy Zakonu Serafickiego, módlcie się za nami.
Święty Sylwestrze,
Święty Grzegorzu,
Święty Ambroży,
Święty Augustynie,
Święty Hieronimie,
Święty Bonawenturo,
Święty Marcinie,
Święty Mikołaju,
Święty Ludwiku,
Święty Benwenucie,
Błogosławiony Jakóbie Strepa,
Módl się za nami.
Wszyscy święci Biskupi i Wyznawcy, módlcie się za nami.
Wszyscy święci Doktorowie, módlcie się za nami.
Święty Antoni, módl się za nami.
Święty Benedykcie, módl się za nami.
Święty Bernardzie,
Święty Dominiku,
Święty Antoni Padewski,
Święty Bernardynie,
Święty Janie Kapistranie,
Święty Jakóbie z Marchii,
Święty Piotrze z Alkantary,
Święty Franciszku Solanie,
Święty Piotrze Regalacie,
Święty Dydaku,
Święty Paschalisie,
Święty Benedykcie,
Święty Pacyfiku,
Święty Janie Józefie,
Święty Leonardzie,
Święty Felikcie
Święty Józefie z Leonissy,
Święty Serafinie,
Święty Wawrzyńcze z Brundzyi,
Święty Józefie z Kupertynu,
Święty Ferdynandzie,
Święty Ludwiku,
Święty Iwo,
Święty Eleazarze,
Módl się za nami.

Свящ. Бронислав Чаплицкий

История католической монашеской жизни в России

Говоря о католической монашеской жизни в России надо учитывать фактор постоянных перемен. Многократно изменялись границы государства российского, а также виды монашеской жизни. В статье ради краткости изложения сделаны некоторые упрощения и опущены подробности.

История католического монашества до 1772 года

В X в. Русь приняла христианство. На ее территории устанавливалось монашество в основном восточной традиции. Но можно сказать, что на тот момент оно также принадлежало и западной традиции, так как еще не произошло разделения Церкви. Разделение христианства в XI в. не вызвало немедленного противостояния восточного и западного христианства на Руси. Вследствие татарских набегов в XIII в. и расширения границ литовского государства в восточной части Руси укрепилась восточная традиция, так как татары не трогали монастырей. А западная часть Руси попала под политическое влияние Литвы, Венгрии и Польши. В Великом Княжестве Литовском и в Галиции, одновременно с монашеством восточным, развивалось монашество западное: доминиканцы, францисканцы и другие ордена, а с XVI в. появились иезуиты. Существовали также и женские монастыри.

Сеть латинских монастырей на территории сегодняшней Белоруссии и Украины была довольно густой. После Брестской унии (1596) на восточных землях Речи Посполитой оставались также многочисленные греко-католические монастыри. Некоторые католические монастыри были и на землях сегодняшней России, так как ее земли входили в состав других государств: той же Речи Посполитой или татарских ханов.

Особую историю имеет территория нынешней Калининградской области, где в XIII в. Тевтонский рыцарский орден огнем и мечом осуществлял христианизацию. В XVII в., после секуляризации ордена, во времена Реформации произошел массовый переход населения в протестантизм. Лишь незначительная часть населения Пруссии осталась католиками (на территории, впоследствии вошедшей в состав СССР — около 5%), однако католические монастыри, хотя и немногочисленные, сохранились вплоть до 1945 г. Одна из женских конгрегации имела в Кенигсберге свой провинциальный дом.

Ликвидация официальной католической монашеской жизни в царской России

В XVIII и XIX вв. произошло значительное расширение границ России в разных направлениях. В российском государстве, особенно после разделов Речи Посполитой в конце XVIII в., оказались миллионы католиков и сотни мужских и женских монастырей с тысячами монашествующих латинского и греко-католического обряда. Надо подчеркнуть, что католики в России были представителями подчиненных народов, для которых католическое вероисповедание являлось гарантией сохранения национального сознания. Труднее, конечно, приходилось греко-католикам. Заметный след в церковной политике оставила во время своего долгого правления Екатерина II. Основные черты ее политики — это стремление подчинить Католическую Церковь государственной власти и ликвидировать те структуры, которые могли бы этому помешать.

Екатерина II ликвидировала за время своего правления значительную часть структур Греко-католической и Римско-католической Церквей. Это относится, прежде всего, к структурам орденов и к самим монастырям, которые были просто национализированы. Некоторое облегчение для католиков наступило во время правления Павла I и Александра I, затем настало время жестоких гонений при Николае I. Полностью была ликвидирована Греко-католическая Церковь, а Римско-католическая подверглась многочислен-

Изгнание иезуитов из Санкт-Петербурга. Рисунок XIX в.

ным ограничениям. Иезуиты, чей орден в 1773 году ликвидировал Папа Климент XVI, тем не менее, сохранились в России, защищенные Екатериной II, которая не пожелала слушаться Папу Римского. Иезуиты были окончательно изгнаны лишь в 1820 г., и с тех пор постоянно насаждалась легенда об их особенной враждебности по отношению к России.

Освободительные восстания подчиненных народов против господства России на их землях, надежды поляков на Наполеона, обвинения насельников католических монастырей в сотрудничестве с повстанцами, — все было оправданием для постоянных репрессивных мер, предпринимаемых властями в отношении структур Католической Церкви, семинарий, монастырей и т. д. Епископов, священников, монахов арестовывали и ссылали в отдаленные места России. В среде высланных в XVIII и XIX вв. на Волгу и в район Черного моря немцев-колонистов работали иезуиты, а после изгнания иезуитов из России — представители других орденов. Потом и их не стало по причине ликвидации католической монашеской жизни в стране. Иеромонахов из ликвидированных монастырей, если они избежали ареста или ссылки, направляли капелланами в армию.

Полоцкая акдемия. Фото нач. XX в.

Надо отметить, что солдаты-католики служили в местах, очень отдаленных от родных краев: на Кавказе, в Сибири, потом в Средней Азии. В такие места ссылались, конечно, и повстанцы. Новая волна гонений, практически приведшая к гибели монашеской жизни в России, возникла после восстания 1863 г. Число монастырей было сокращено до незначительного минимума, причем запрещено было принимать послушников в новициат. К началу Первой мировой войны почти все монастыри вымерли. В Санкт-Петербурге, Москве и Одессе работали с разрешения властей некоторые иностранные орденские священники, в основном доминиканцы. Приезжавшие в начале XX в. монашествующие священники из-за границы, как правило, скрывали свою орденскую принадлежность, так как власти могли заподозрить, что они являются иезуитами. Молодежь практически не имела возможности реализовать монашеское призвание. Некоторые молодые люди уезжали за границу, чтобы там поступить в монастырь.

Возникновение подпольной католической монашеской жизни в царской России во второй половине XIX века

История возникновения подпольной монашеской католической жизни в России состоит из двух направлений. Первое — это подпольная монашеская жизнь непосредственно в России, второе — это попытки тайного приезда в Россию монашествующих иностранцев. Первое движение было в несколько раз больше, чем второе. Оба движения стали возможны лишь потому, что вследствие политических изменений во многих странах Европы, а также развития новых форм церковной жизни, изменились и формы монашеской жизни. Наряду с традиционными формами монастырского монашества, появились новые конгрегации, не отделенные от мира высоким забором, затвором и определенной одеждой. Они жили в миру и при том скрывали факт своей принадлежности к монашескому сословию.

Таким образом, хотя монашеские обеты не утратили своего значения, внешний образ монашеской жизни приблизился к жизни светской. Поскольку существование монашеских общин скрывалось, не могло быть таких, как прежде, строгих правил общинной жизни. Возникали новые мужские и женские конгрегации. Иеромонахи уже давно приняли на себя роль епархиальных священников и в силу разных причин не всегда акцентировали свой монашеский сан. Скрывали

свою принадлежность к монашеству и сестры-монахини. Однако вскоре, в связи с социальными переменами в обществе, появились новые возможности.

В больницах, приютах, богадельнях, домах престарелых работали женщины, которых называли сестрами милосердия. Как правило, носили они одинаковые облачения. Если приехавшие или подпольно возникшие монашеские конгрегации брали на себя служение сестер милосердия, они могли оставаться незамеченными, так как обычно опекуншами приютов и сестрами милосердия становились незамужние женщины.

В России не возникло ни одной монашеской конгрегации, состоявшей из священников. В начале XX в. лишь возродилась Конгрегация мариан, практически исчезнувшая вследствие царской политики.

1. Монашествующие, приехавшие из-за границы

В некоторых местностях появились монахи из-за границы. Это были, как правило, отдельные священники, например, доминиканцы в Петербурге и Москве. Ассумпционисты, приехавшие в Россию в начале XX в., а также несколько иезуитов скрывали свою орденскую принадлежность.

Из числа заграничных женских конгрегаций раньше всего в Россию приехали сестры св. Иосифа из Шамбери (Франция). Они служили в России с 1862 по 1922 г.: несколько десятков сестер работали учительницами в школах, медсестрами в больницах и воспитательницами в приютах в Москве, Санкт-Петербурге и Одессе. Они вынуждены были скрывать свою монашескую принадлежность, и поэтому в их конгрегацию не было большого притока призваний.

Другие женские конгрегации работали в России более короткое время. Сестры св. Екатерины в Петербурге — только около двух лет в 1880-х гг., ассумпционистки — несколько месяцев в 1907 г. Урсула Ледуховская приехала в 1907 г. и оставалась до 1914 г., ей удалось основать в Петербурге новую ветвь своего ордена — Урсулинки Сердца Иисуса Умирающего.

В 1907 г., благодаря содействию существующей в России с 1857 г. Конгрегации Семьи Марии, приехали Францисканки — Миссионерки Марии, к которым потом присоединилась Семья Марии. Это единичный в истории случай, когда заграничная католическая конгрегация получила официальное приглашение приехать в Россию, да еще от органа, задачей которого был контроль всех католических дел, — Департамента духовных дел иностранных исповеданий при Министерстве внутренних дел. Францисканки, приехавшие из-за рубежа, были впоследствии выдворены. Те сестры, которые присоединились к ним из Семьи Марии, в большинстве своем остались верны

Урсула Ледуховская в С.-Петербурге. Фото 1907 г.

своей конгрегации и пережили все преследования большевистского времени.

2. Монашеские конгрегации, возникшие в России

В 1857 г. священник Сигизмунд Феликс Фелинский основал в Петербурге Конгрегацию Семьи Марии. Сестры конгрегации работали главным образом в благотворительных учреждениях, занимавшихся воспитанием сирот и бедных детей.

Около 1908 году в Петербурге возникла Конгрегация Миссионерок Святого Семейства, основательница которой, Болеслава Лямент, ранее принадлежала к Семье Марии. Также в Петербурге ок. 1908 г. возникла новая ветвь Ордена урсулинок, о которой мы говорили.

Две первые общины в основном занимались делами милосердия, работая в домах престарелых и приютах. Семья Марии также посвящала время воспитанию молодежи, поскольку любой католический приют был одновременно тайной школой. Сестры-миссионерки Святого Семейства тоже организовывали шко-

лы, а урсулинки работали вначале в официальной католической школе в Петербурге, а позже пытались создать собственную школу у Финского залива.

В российском государстве возникли и другие монашеские конгрегации, но эти территории не входят сегодня в состав России. В Россию же некоторые из этих конгрегаций впоследствии приехали служить по приглашению священников или организаторов благотворительности.

Основателем многочисленных монашеских конгрегаций был капуцин, сегодня блаженный, о. Гонорат Козьминьский. Среди основанных им конгрегаций на сегодняшней территории России были следующие: Конгрегация дочерей Пречистого Сердца Пресвятой Девы Марии (сердцианки), Конгрегация сестер Вознаградительниц Пресвятого Лика, Конгрегация Сестер Имени Иисуса, Малые сестры Непорочного Сердца Пресвятой Девы Марии (гонoратки «фабричные»), Братья-долористы.

Блаженная Болеслава Лямент

Наиболее активной на территории России среди гонoратских конгрегаций была Конгрегация Дочерей Пречистого Сердца Пресвятой Девы Марии (сердцианок). Причиной такого апостольского усердия этой конгрегации была личная активность ее соосновательницы, матери Паулы Малецкой. Та, навещая возникающие дома, хорошо понимала условия и необходимость апостольского служения сестер. Мать Паула смогла, несмотря на огромные российские расстояния и при тогдашних средствах передвижения, в короткое время открыть и неоднократно посетить многие разбросанные по просторам России дома своей конгрегации.

Приглашение сестер в Россию исходило, как правило, со стороны духовенства и от мирян, принимавших активное участие в благотворительной, а также просветительской католической деятельности. Для такой деятельности нужны были не только деньги и идеи, но и преданные исполнители.

В 1890 г. священник Антоний Малецкий[1], которого называли «петербургским доном Боско», пригласил в Санкт-Петербург сестер недавно возникшей общины Дочерей Сердца Марии во главе с матерью Малецкой. В помещении его приюта для мальчиков сестры тайно собирались на свои духовные упражнения, молитвы и капитулы. Ночью, втайне от детей и мирян, там

Витторе Карпаччо. Молитва св. Урсулы. 1491. Галерея Академии, Венеция

Блаженный Гонорат Козьминьский

Антоний Малецкий

проходили поклонения Святым Дарам, которые о. Малецкий приносил из храма, принятие кандидаток, принесение монашеских обетов, символические облачения в монашескую одежду. Там также приносили свои обеты сестры из других городов. Появлялись и местные кандидатки, особенно из среды учительниц пансиона при храме Св. Екатерины.

Почти одновременно с сердцианками служение в Петербурге начала также гонорaтская конгрегация Сестер Имени Иисуса. Настоятель — священник Свидерский хотел, чтобы сестры работали в гимназии при храме, но по причине нехватки призваний получилось прислать только одну сестру, которая стала учительницей рукоделия в женской школе при храме. Сестры Имени Иисуса работали впоследствии учительницами в школах при храме Св. Екатерины. Сестры-сердцианки работали в разных благотворительных учреждениях Санкт-Петербурга, таких как Дом трудолюбия, где духовно опекали работавших там женщин и их детей..

Работали они также в школе при храме Св. Станислава, обучали детей катехизису, основам польского языка, математике, истории и географии, а также готовили их к первой исповеди и Причастию. После закрытия Дома трудолюбия сердцианки перешли в приют со школой за Нарвскими воротами, то есть при приходе Св. Казимира[2]. В 1896 г. при приходе был открыт приют для девочек, а в 1899 г. — для мальчиков. Сестры работали и в приюте, и в школе. В Петербурге долгое время проживала мать Малецкая, которая заботилась о том, чтобы сестры встречались на реколлекциях. Сестры-сердцианки работали также в домах, которые были связаны с заведениями о. А. Малецкого, то есть во «Владиславовке» под Лугой и в «Станиславовке» под Псковом[3].

Работу в Петербурге вели также Малые сестры Непорочного Сердца Пресвятой Девы Марии (гонорaтки). Первоначально сестры жили на Петербургской стороне, на ул. Бармалеевой, позже на ул. Ушаковской, то есть вблизи храма Св. Казимира. Там у них была мастерская. Одновременно с этим центром возник другой — в Духовной Академии. Хозяйственная работа в Академии не соответствовала направлению конгрегации, однако мать Роза считала, что конгрегация должна помогать священникам. Гонорaтки взяли на себя также работу в приюте при храме Св. Казимира, в котором раньше работали сердцианки, а потом миссионерки Святого Семейства. Летом 1914 г. некоторые сестры поехали с детьми из приюта на отдых в Столыпиновку в Новгородской губернии, где из-за войны остались на долгое время.

Во Пскове начиная с 1890 г. некоторое время работала Конгрегация сестер Вознаградительниц Пресвятого Лика. Сестра Констанция основала швейную мастерскую, в которой обучала девочек. В начале 1890-х годов во Псковском приходе возникло Благотворительное общество[4]. Организованный дом первой посетила мать Элиза Цейзик. В этом доме было несколько сестер и кандидаток. Сестры готовили детей к принятию таинств. Позже, по всей видимости, на том месте работали сестры-сердцианки, а потом Сестры Ангелов[5]. Во Пскове работали также Братья-долористы, один в ризнице, другой в приюте, но второй не выдержал трудных условий.

Сестры-сердцианки открыли также свою общину в Смоленске, работали там в приютах для сирот. Сестры делились на воспитательниц и тех, которые занимались хозяйством. Некоторые из детей ходили в школы в городе, другие учились шитью и разным ремеслам, а также религии, занятия проходили в помещении приюта. Некоторые мальчики посещали гимназию. Для обеспечения помощи приютам настоятель о. Петр Авгло купил под Смоленском усадьбу с шестьюдесятью пятью десятинами земли и пятью десятинами леса[6]. Хозяйством управляла сестра Елена Арнольд. Дети вместе с воспитательницами проводили каникулы в этой усадьбе. Была там часовня, где молились жившие поблизости католики[7]. Место это, прилегающее к селу Василевское, называли Затишье. В Смоленске и окрестностях действовали также Братья-долористы, которые занимались солдатами-католиками.

Сестры-сердцианки начали с 1898 г. свою деятельность также в Москве. Католическое Благотворительное Общество содержало там приют и мастерскую[8]. Эвелина Ягелло, которая организовала приют для детей и работала в нем, была «присоединенной» сестрой Конгрегации Пречистого Сердца Марии. Так как она должна была отказаться от работы в приюте, она предложила Благотворительному Обществу, чтобы заведение взяли на себя сестры-сердцианки. В Москве, так же как в Смоленске, у сестер возникли недоразумения с Благотворительным Обществом, и вскоре московская провинция конгрегации перестала существовать[9].

В Москве появились Сестры Имени Иисуса. Прислать сестер попросили в 1901 г. новый московский декан и Благотворительное Общество. Сестры Имени Иисуса взяли под опеку интернат для мальчиков и руководили им в течение десяти лет[10]. В 1906 г. приют вместе с сестрами переехал в Богородск под Москвой, в дом с огородом, специально для этой цели купленный Благотворительным Обществом. Однако в связи с поиском тайных конгрегаций и с ревизиями, проводившимися в 1911 г. Департаментом духовных дел иностранных исповеданий, дом был закрыт властями, а сестры были вынуждены покинуть это

место. Митрополит Могилевский В. Ключинский обвинял гонорацкую конгрегацию сердцианок в том, что ее деятельность является чересчур громкой, и из-за него следует опасаться репрессий со стороны властей, и в том, что конгрегация имеет слишком много монашеских практик, которые не подходят для конгрегации, действующей в миру.

Ситуация накануне революции 1917 года

Во время Первой мировой войны гонорацкие конгрегации в России продолжали свою деятельность, в некоторых местах она даже стала более интенсивной. Особенную роль сыграл смоленский дом сердцианок, который вынужден был принять новициат. Очень трудное время пережил во время войны приют петербургского прихода Св. Казимира. В 1915 году новый настоятель прихода Св. Казимира Иосиф Скоковский снова вернул гонораток и позаботился об условиях жизни детей[11].

В 1914 г. Конгрегации сестер Имени Иисуса была поручена опека над трехлетней начальной школой на сто пятьдесят учениц в Петрограде при храме Св. Екатерины. В 1916 г., после выезда прежней директрисы, урсулинки Эмилии Мацулевич, восьмилетнюю женскую гимназию при храме Св. Екатерины возглавила сестра Амелия (Жешотарская). В школах при храме Св. Екатерины в Петрограде в 1916 г. работало двадцать шесть сестер из Конгрегации Имени Иисуса.

Сестры-сердцианки оставались на своих постах в Петрограде и окрестностях, то есть в учреждениях о. А. Малецкого. 5 июня 1916 г. конгрегация провела генеральный капитул, на котором сестры избрали свое руководство.

Сестры-гонорацки продолжали работать в петроградской Духовной Академии до ее закрытия в 1918 г. Сестры делали все, чтобы спасти имущество, особенно библиотеку Академии. В учреждениях о. А. Малецкого в Петербурге работала также мужская гонорацкая конгрегация, Братья-долористы. Можно догадываться, что они исполняли там роль учителей или воспитателей. Они оставались там, вероятно, до времени ликвидации учреждений в 1919 г. Надо упомянуть также о судьбе интерната для мальчиков в Вильно, которым руководили Братья-долористы. По причине войны было решено перенести интернат в Могилев (сентябрь 1915 г.), а позже в Ярославль[12].

В таких трудных условиях проверялась как практичность структурных решений, так и духовность гонорацких конгрегаций. Замысел о. Гонората о том, чтобы конгрегации имели три степени принадлежности, не всегда реализовывался. Особенно мать Малецкая, будучи человеком деловым и практическим, понимала, что при таком широком поле деятельности в ситуации, когда надо принимать административные решения, она может рассчитывать только на послушание сестер общинной жизни, которых можно просто переводить с одного места на другое. «Присоединенными» сестрами нельзя было так распоряжаться. О. Гонорат переживал, что конгрегация слишком устранялась от мира.

Подводя итоги дореволюционной деятельности гонорацких конгрегаций в России, можно заметить, что они постепенно принимали формы жизни традиционных монашеских конгрегаций, хотя вели скрытый образ жизни. Принцип скрытости не всегда соблюдался. Это помогало конгрегациям находить призвания. С другой стороны, открывающиеся возможности, апостольское рвение сестер и просьбы священников приводили к тому, что конгрегации открывали все новые дома и брали на себя задачи, непосредственно не связанные с харизмой, определенной для них о. Гонораком. Большая активность могла вести также к недостаточной духовной подготовке. Это иногда вызывало недоразумения, личные разочарования и конфликты.

Согласно существовавшему в то время обычаю, сестры, жившие в общинах, делились на два хора, что обычно не приводило к проблемам. Видимо, под влиянием революции некоторые сестры второго хора стали требовать равных прав.

Во время войны, когда социальная активность общества возросла, конгрегации предпринимали такие новые, ранее не исполнявшиеся задачи, как опека над ранеными и заключенными, помощь больным. Расширились также возможности воспитания детей и молодежи.

Около 1910 г. во многих местностях России началась акция по поиску иезуитов и тайных женских конгрегаций. Немногочисленные иезуиты вынуждены были покинуть границы России. Похожей была судьба заграничных монашествующих священников, заподозренных властями в принадлежности к иезуитам. Священники, бывшие подданными Австрии и Германии, в начале войны также должны были покинуть Россию. Некоторые учреждения, в которых работали монахини, были закрыты, другие смогли восстановиться.

Сестры св. Иосифа из Одессы были высланы за границу, в других же городах они оставались и во время войны. После высылки из страны матери Урсулы Ледуховской и урсулинок, бывших австрийскими подданными, некоторые сестры этой конгрегации остались, и лишь впоследствии уехали к своей матери в Скандина-

вию. Сестры св. Иосифа работали в военном госпитале на фронте, где попали в немецкий плен. Францисканки — Миссионерки Марии, приехавшие из заграницы, были в основном выдворены из страны. Остались лишь те францисканки, которые ранее принадлежали к Семье Марии, а в 1908 г. присоединились к Францисканкам — Миссионеркам Марии. Продолжала развиваться недавно возникшая Конгрегация Святого Семейства.

Тайные конгрегации в царское время пытались служить делам милосердия и просвещения молодого поколения католиков. Они достигли больших успехов на этом поприще. Благодаря их службе сохранили веру многие молодые люди, которые могли бы быть потеряны для общества, Католической Церкви и своего народа. Дети получили воспитание и профессиональные знания, нужные в жизни. Много молодежи приобрело нравственные ценности, избегло голода и участия в революции, приобрело гражданскую ответственность и патриотизм. Среди воспитанников и воспитанниц этих конгрегаций было много призваний к священству и монашеской жизни.

Ликвидация монашеской жизни в коммунистическое время

После Октябрьской революции большевики ввели ряд указов, целью которых было искоренение религии из личной и публичной жизни граждан. Все церковное и общественное имущество было национализировано Декретом об отделении Церкви от государства и школы от Церкви, 12 статья этого Декрета провозглашала: «Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют»[13]. Всякие просветительско-воспитательные и благотворительные заведения у Церкви были отняты, ибо большевики не допускали никакой конкуренции в деле воспитания общества.

Учреждения, в которых работали католические конгрегации, были записаны на частных лиц, на приходы, или находились во владении благотворительных католических организаций, а значит, были обречены на национализацию. Как правило, большевики, владевшие польским языком, хотя не всегда поляки по национальности, приходили с «визитом» в такое заведение, знакомились с его состоянием, искали возможных провокаторов, находили какие-нибудь «неправильности», объявляли себя новыми хозяевами, а когда встречали сопротивление, вызывали вооруженные отряды милиции. Одновременно среди воспитанников подрывалось доверие к прежним воспитателям.

Если бы не репрессивная политика советских властей, значительное число членов монашеских конгрегаций осталось бы, несомненно, на местах прежней службы, так как необходимость служения сохранялась. В советской России оставались многочисленные католики, особенно бедные, и поэтому работа среди них была необходима так же, как и в царское время. Юридические основы деятельности конгрегаций были уничтожены, имущество отобрано, богатые спонсоры или уехали, или были лишены своего имущества и неоднократно арестовывались. Необходимо было искать новые способы существования. Оставшись без средств, католические учреждения не могли продолжать свою деятельность.

В 1918 г. большевики отобрали все учреждения в Петрограде и окрестностях, в которых работали сестры-сердцианки. После ликвидации большевиками учреждений о. А. Малецкого в Петрограде несколько сестер-сердцианок остались, чтобы помогать в часовне Пречистого Сердца Иисуса. Другие пытались найти работу в городе. Они продержались там несколько лет. В 1919 г. большевики национализировали оба приюта в Смоленске и ввели там свои порядки. Сестры пытались передать детей под опеку католических семей или даже отдельных лиц. Некоторых детей сестры записывали как своих, чтобы их спасти и в случае отъезда вывезти в Польшу. Государственное управление помещало русских детей в приюты. Сестер увольняли с работы. Тогда сестры покинули приюты и переехали в приходское владение за городом. Хозяйство, основанное бывшими воспитанниками, помогло сестрам, несмотря на частые контроли и ревизии, продержаться в артели несколько лет.

Из обвинений, которые потом выдвигали против сестер, видно, что они старались помогать о. Петру Авгло; в артели была часовня, в которой сами сестры и другие члены артели молились и где время от времени совершал богослужения священник. Бывший настоятель, о. Петр Авгло, часто скрывался в этом хозяйстве.

В 1927 году несколько сестер вместе с настоятельницей сестрой Еленой Арнольд были арестованы. Сестра Арнольд была приговорена к полутора годам заключения, из которых отсидела девять месяцев, после чего была освобождена по амнистии. Сестры вынуждены были покинуть артель, поскольку власти организовывали провокации против них. Сестра Арнольд была вновь арестована в 1928 г. в связи с обвинением в том, что купила в Смоленске дом на средства артели. Тройкой ГПУ настоятельница была приговорена к трем годам ссылки в Архангельск. Многие сердцианки из Смоленска оказались в тюрьме, некоторые из них не пережили тюремных условий.

Настоятельница общины в Затишье сестра Арнольд выдержала заключение и всю Вторую мировую

войну, а потом присоединилась к сестрам, остававшимся тайно в Вильнюсе.

В Киеве сердцианки продержались до 1928 г. Сестра Антонина Бучис умерла в тюрьме, а сестра Романя Марецкая, освободившись из заключения, поселилась с другой сестрой в Чернигове, потом пережила лагеря в Сибири и, в конце концов, после Второй мировой войны присоединилась к вильнюсским сестрам, где умерла в 1951 г.

После закрытия приюта, который гонoратки («фабричные») опекали в Столыпиновке в Новгородской губернии, дети были перевезены в Петроград на улицу Донскую[14], по всей видимости, в ранее ликвидированный приют Доброго Пастыря. Они смогли взять с собою припасы и одну из четырех коров. Руководство приюта было в руках большевиков-поляков, которые доброжелательно относились к сестрам. В приют принимали не только сирот, но и бедных детей, чьих матерей брали в приют на работу. Была и мастерская для девочек. Сестры учили также в школе при храме Св. Казимира, до 1920 г., когда школу отобрали большевики. Тогда часть сестер выехала в Польшу. Другие устраивались учительницами рукоделия в государственные школы, чтобы иметь влияние на воспитание девочек. В итоге польско-большевистской войны 1920 г. многие польские пленные солдаты были заключены в лагеря или временные тюрьмы, иногда даже без крыши. Сестры-гонoратки мыли узников, стирали их одежду и давали им другую, оставленную богатыми людьми[15]. В 1922 г. сестры выехали из Петрограда вместе со многими сиротами, которых записывали как собственных детей. 15 мая сестры приехали в Польшу, в Ченстохову.

Конгрегация сестер Имени Иисуса продержалась в национализованной гимназии при церкви Св. Екатерины в Петрограде три года. Сестры работали там в качестве учительниц и тайно учили польскому языку и религии, а также готовили детей к принятию святых таинств. За такую самоотверженную работу сестра Амелия (Жешотарская) получила в 1931 г. от бывшего Могилевского митрополита Э. Ponna крест с надписью «Pro fide et Ecclesia in Russia merito»[16].

Особенное место в истории католических монашеских конгрегации занимает московская абрикосовская община восточного обряда. Община верующих русских восточного обряда возникла в начале XX в., организованная иезуитом о. Ф. Вирцинским, но монашеская группа стала оформляться уже после октябрьской революции вокруг матери Екатерины Абрикосовой. Группа еще не успела окрепнуть, а начиная с 1922 г. ее ожидали постоянные репрессии. Сестер многократно арестовывали, они прошли тюрьмы и ссылки; их община просуществовала до 1980-х годов. Благодаря им наступило некоторое возрождение католичества среди московской интеллигенции.

Подпольная монашеская жизнь в СССР после Второй мировой войны

Вследствие Второй мировой войны произошли большие изменения в границах СССР. В 1939–1940 гг. к СССР были присоединены прибалтийские республики, Западная Белоруссия и Украина. На этих территориях до потери ими независимости существовала и развивалась монашеская жизнь. Во время первой советской оккупации были уничтожены многие католические монашеские дома. Некоторые иеромонахи оказались в заключении, погибли при отступлении советских войск. Несколько монашествующих священников попали в советский плен и были расстреляны или попали в лагерь. Некоторое количество их было освобождено «по амнистии» в 1941 г. и оказалось в Польской Армии. Некоторые монахини разделили участь ссыльных. После возвращения Красной Армии на ранее присоединенные к СССР земли практически все монастыри были ликвидированы, а монашествующие оказались в лагерях, ссылках. Значительное их количество было выдворено за границу СССР, чаще всего в Польшу. Небольшое число монашествующих остались в СССР в родных местах, пытаясь вести подпольную монашескую жизнь.

Когда некоторые священники вышли из заключения на свободу и пытались или восстановить, или организовать заново приходские общины, они особенно нуждались в помощи сестер-монахинь. Таким образом ведущие подпольную монашескую жизнь сестры оказывались со временем в Казахстане, Грузии, а позже — и в Сибири. Они помогали в катехизации детей и взрослых, работая одновременно в государственных учреждениях.

* * *

Служение монашеских католических конгрегаций в России в конце XIX и в начале XX в. оказалось необходимым. В то время как общество в России двигалось в направлении революционной деструкции, католические конгрегации исполняли конструктивную и воспитательную роль. Сестры и братья готовились к жертве. Они не теряли апостольского рвения. Монашествующие помогали католикам возродить свою религиозную и национальную идентичность, воспитывали молодежь, в том числе сирот, и уберегали их от потери национального самосознания. Конгрегации практически не имели материальных средств. Их богатством было миссионерское рвение, образование и практические знания, благодаря которым в трудных условиях они могли собирать детей, служить бедным, несмотря на всяческие лишения, не требуя для себя условий и благодарности.

Революция уничтожила многие из этих хорошо поставленных дел. Однако богатство, заложенное в людях, осталось. Жертвенное страдание многих членов конгрегаций и даже их смерть в большевистское время, соединенные с жертвой многочисленных священников и мирян, имеет неоценимое значение для сегодняшнего возрождения религиозной жизни в России.

Служение многих конгрегаций, особенно гонорацких, в России в основном принадлежит к прошлому. Однако можно вспомнить эти дела и некоторые из них возродить. История эта напоминает нам, что Церковь возрождается тогда, когда души, полные рвения, желают принести себя в жертву Богу и Его народу.

---

[1] *Малецкий Антон Иосифович. Родился 17 апреля 1861 г. в Санкт-Петербурге. Окончил С.-Петербургскую Духовную семинарию. С 1887 г. был викарным священником в столичном приходе св. Станислава, с 1897 г. – в приходе св. Екатерины. Организатор многих благотворительно-воспитательных учреждений для детей, он был назван «петербургским доном Боско». См.: Чаплицкий Б., Осипова И. И. Книга памяти: Мартиролог Католической Церкви в СССР. Москва, 2000. С. 361–362; Пожарский К. Епископ Антоний Малецкий // Церковный календарь на 2003 год. Зерно из этой земли... Мученики Католической Церкви в России XX века. Ред. Б. Чаплицкий. СПб. 2002. С. 91–96.*

[2] *Устав приюта при Петергофском шоссе в районе Нарвских ворот был утвержден 26 июля 1898 г. См.: РГИА, ф. 821, оп. 125, д. 3027. Римско-католические приюты и благотворительные общества. Ч. III, л. 178–179. ДДДИИ в Хозяйственный департамент, 26 VII 1898.*

[3] *О. Рутковский указывал 1905 г.*

[4] *РГИА, ф. 821, оп. 125, д. 3027. Римско-католические приюты и благотворительные общества, ч. III, л. 32. ДДДИИ – в Хозяйственный департамент, 7 VIII 1893.*

[5] *Соосновательница этой конгрегации, Бронислава Станкович, первоначально принадлежала к конгрегации Пречистого Сердца ПДМ. По просьбе о. Ключинского она первоначально помогала женщинам, собранным о. Ключинским, потом присоединилась к ним, по всей видимости, не уведомив генеральную настоятельницу сердцианок, Паулу Малецкую. Когда отец Гонорат об этом узнал, возможно, от матери Малецкой, он осудил Станкович за то, что она «вдруг устранилась, не согласовав этого со старшими», и, таким образом, вызвав замешательство среди сердцианок. Отец Гонорат предостерег Станкович, что было бы нерассудительно увлекать за собой других сестер.*

[6] *Согласно данным, приведенным в материалах уголовного дела, заведенного в 1927 г. против сестер-сердцианок, вся территория имения составляла 61 десятину. См. А.И. Гурзов, Василевская сельскохозяйственная артель, машинописный текст, [Смоленск], с. 3.*

[7] *Апостольская Престол 23 XII 1907 г. позволил хранить Святые Дары в часовне Сестер Пречистого Сердца Марии в Смоленске. См.: ACSM, Sygn. D I, t. 74.*

[8] *Вероятно, дело касается Попечительства о бедных римско-католического вероисповедания, устав которого министр внутренних дел П.А. Валуев утвердил 17 сентября 1862 г. Его задачей было опекать бедных прихожан церкви Свв. апп. Петра и Павла. См.: РГИА, ф. 821, оп. 125, д. 3027. Римско-католические приюты и благотворительные общества, ч. III, л. 96–98 об., Устав попечительства...*

[9] *В 1905 г. генеральный капитул конгрегации поделил территорию службы сестер-сердцианок на восемь провинций. См.: Zakrzewska. Historia Zgromadzenia..., s. 91–92.*

[10] *Приют был закрыт вследствие ревизии Тяжельникова, которая проводилась в 1911 г.*

[11] *Отец Скоковский был настоятелем церкви Св. Казимира в 1915–1917 г. См.: Шкаровский М.В., Черепенина Н.Ю., Шикер А.К. Римско-католическая Церковь на Северо-Западе в 1917–1945 гг. СПб., 1998. С. 82*

[12] *Вероятно, Яна Плятер-Зиберг, владельца поместья в Ликсне (Латвия). Ср. письмо Анны Платер-Зыберк к автору от 27 IV 2005.*

[13] *К истории отделения церкви от государства и школы от церкви в СССР: Док. и материалы // Вопросы истории религии и атеизма. Т. 5. М., 1958. С. 7–8.*

[14] *В 1858 г. на Васильевском Острове был создан приют для женщин, желающих исправления и находящихся в ситуации нравственной опасности. Первоначально приют находился на 15-й линии Васильевского Острова. В 1874 г. был приписан к ул. Донской, 9. В 1886 г. к приюту была пристроена часовня. Этот приют впоследствии стал называться приютом «Доброго Пастыря». См.: Шкаровский, Черепенина, Шикер. С. 105.*

[15] *Можно догадываться на основании других свидетельств об описываемом периоде, что продукты они могли получать от миссии помощи голодающим, которая действовала в то время. См.: Olendzka. Matka Róża Godecka, s. 563.*

Михал Грушка OFMConv

«Мой путь – это интересное приключение!»

Отец Михал Грушка, настоятель францисканского монастыря Успения Пресвятой Девы Марии в Астрахани, уже почти пять лет служит в Российской Кустодии святого Франциска. По просьбе редакции он рассказывает о своем францисканском призвании и открытиях на этом пути.

«По характеру я такой человек, который рождает идеи»

Моя родина – Свебодзице, небольшой городок на юго-западе Польши.

Родился я в верующей семье, у меня есть еще брат и сестра. Мама работает в больнице, а папа – сантехник, он индивидуальный предприниматель. Когда кто-то в семье становится священником или монахом, это неизбежно отражается на духовной жизни семьи. Переживая этапы моей монашеской формации, мои близкие тоже расширяли свое восприятие веры, как бы проходили этот путь вместе со мной.

В старших классах школы, в начале 90-х годов, я уже осознанно искал свой духовный путь. Тогда как раз в Польше начали проводить различные религиозные встречи для молодежи. Я посетил дни духовного обновления у францисканцев, которые проходили в горах, познакомился там со священниками; затем был в лагере, организованном францисканцами, участвовал в велосипедном рейде с запада на восток Польши – и так вот шаг за шагом знакомился с ними... Это все разворачивалось, как интересное приключение! К тому же мне тогда купили велосипед, и я мог на нем путешествовать. В то время мне только исполнилось пятнадцать.

Потом была учеба во францисканском лицее – там я тоже много общался с братьями. Школа находилась в другом городе, родители остались далеко, я жил в общежитии – это была новая интересная жизнь! Я очень благодарен своим родителям за то, что они мне позволяли много ездить в юношеские годы, отпускали везде одного. Конечно, надо было им звонить, говорить, что у меня все в порядке, но главное – они разрешали мне путешествовать!

Я по характеру такой человек, который рождает идеи. Так что у меня было множество замыслов – кем стать, где учиться... После францисканского лицея я закончил еще физико-математический и собирался поступать в Политехнический университет в своем городе.

Но важно, что все эти идеи рождались на фоне моего активного духовного поиска и как бы проверялись им. А этот поиск в результате привел меня в Орден францисканцев. После постулантуры в г. Глогувек и новициата в Кальварии Пацлавской я поступил в Краковскую семинарию и шесть лет отучился там.

Время открытий

Во время прохождения формации человек многое узнаёт. В семинарии, например, я открыл такую истину: человек может делать все, а не только заниматься каким-то одним видом деятельности. Бывает, что в семье, допустим, говорят ребенку: «Ну, тебе только учиться». Или наоборот – «только работать по такой-то специальности». А если стал францисканцем, то приходится заниматься всем!

На каждом новом этапе формации нас предупреждали: у вас сейчас пока очень много свободного времени, а вот на следующем этапе будет еще больше занятий, еще больше обязанностей. Так оно и происходило!

Из этого периода запомнилось, как мы организовали «живые ясли» в Кракове. Для этого потребовался год подготовки (конечно, параллельно с учебой). Это был очень яркий момент. В семинарии я учил итальянский, а сразу после семинарии почти на три месяца поехал жить в Ассизи!

У каждого человека есть свой личный опыт встречи с Ассизи. Его не описать словами. Ассизи нужно увидеть, быть там. Увидеть дома, церкви, молиться у гробницы св. Франциска... Ценно то, что у меня была возможность пожить там в спокойном ритме, а не в ритме паломничества или встречи молодежи.

Часто говорят, что дух Ассизи – это дух мира и добра, дух диалога. Да, это все так. Но дух Ассизи нужно пережить, его не передать словами... И когда я думаю о духе францисканства, то вспоминаю людей, которые привели меня к св. Франциску, показали мне его настоящим: о. Массимо с Мальты, который организовывал экуменические встречи в Ассизи, о. Франко Серини, бывшего генерала Ордена... Они много рассказывали нам, молодым братьям: за трапезой, во время разных встреч...

Святой Франциск: интригующий и неожиданный

Мой опыт на тот момент был довольно узким, несмотря на учебу в семинарии. Сочинения св. Франциска, его жития ведь нужно уметь читать. В Средневековье существовали свои каноны, по которым все писалось. Чтобы узнать св. Франциска, прийти к нему настоящему, нужно знать, как это сделать. Образ св. Франциска, который сформировали у меня в школе на уроках по средневековой литературе, был немного однобоким: радость, святость – да, это все в нем есть, но это не весь Франциск. Есть еще и Франциск, который любит крест, творит покаяние, умеет поститься и не поститься. Франциск, который умеет остановиться, чтобы полностью погрузиться в молитву. Франциск, который верен Церкви во времена, когда эту верность не так легко было хранить. Вот о таком Франциске я думаю, когда меня спрашивают о духе Ассизи. Хотите духа Ассизи? Будьте верны Церкви, говорящей сегодня о вещах, которые мир не хочет принять. В этом для меня дух Ассизи. Научитесь воспринимать себя как грешника, творить покаяние.

Мне кажется, мы эту грань личности Франциска иногда упускаем, устраивая молодежные встречи. Эти встречи в целом очень хороши, там царствует дух мира, но все-таки... что-то не доносим мы до молодых людей. Сегодня все эти встречи транслируются по телевидению, в Интернете. С одной стороны, вроде бы все так сейчас делают. Но с другой, Франциск ведь – очень смиренный, он, похоже, даже не хочет быть на виду. «Бог дал мне братьев», – говорит Франциск. Вот как интересно – он сам их даже и не искал!

Франциск всегда удивителен, порой даже интригующ. Тебе кажется, что ты его уже понимаешь, читаешь его сочинения или житие – и вдруг видишь: он совсем другой, новой стороной тебе открывается. Это мне всегда нравилось в нем.

Можно ли постичь до конца святого Франциска? В семинарии у нас были серьезные занятия по богословию, философии, истории Церкви, истории францисканства, францисканской духовности. Но помню: на последнем курсе, когда мы уже стали дьяконами – вдруг понимаешь, что уже половины не помнишь! В тот момент наш ректор сказал нам: «Узнав о разных идеях, концепциях разных людей, вы все равно все подробности не запомните. Но главное, чтобы в вас укоренился смысл веры, который будет камертоном для оценки того, что вам встретится в жизни; подскажет, где и как получить дополнительные знания. Так что образование не закончено. Нужно постоянно догонять».

То же самое со святым Франциском, потому что он человек Церкви и очень связан с Церковью своим выбором, послушанием ей... Его тоже нельзя «прочитать и сразу узнать». Да, будешь знать историю, периоды его духовной жизни. Но для меня встреча с Франциском – это духовный путь, который переживаю лично я. Иногда я на высоте, ближе к Франциску, а иногда – отдаляюсь. В какой-то момент кажется, что лучше его знаю, а иногда – чувствую да-

же какое-то безразличие. Вроде бы все знаешь про св. Франциска, и вдруг осознаешь – сошел с пути! И надо бежать обратно!

Путь в неизвестное

Почему я приехал служить в Россию? Это отчасти тайна и для меня самого. С одной стороны, это был осознанный и довольно зрелый выбор. С другой – передо мной ведь лежал путь в неизвестное. Не знаешь, куда ты едешь, не знаешь братьев. Многие мои знакомые были удивлены: «Ты что, ты куда это?!»

Но я чувствовал, что мне нужно выехать на миссию. Почему на восток? Духовный образ, представление какое-то о России у меня уже сложились. Знакомые братья приезжали сюда на практику, потом рассказывали... Вообще, когда уже зрело рассуждаешь, то понимаешь, что миссия – это конкретная потребность и призвание от Бога.

По характеру я человек беспокойного духа – еще в семинарии куда-то все хотел поехать, но не разрешали. После семинарии я год проработал в Польше в Зеленой Гуре, и тогда, вопреки всему (все говорили, что мне откажут), я написал прошение о том, чтобы служить в России. Моя провинция имеет миссии в Южной Америке и Африке, Узбекистане и Украине. Так что положительный ответ был маловероятен.

Через какое-то время я с молодежью поехал в горы, и когда мы стояли на вершине – мне звонит по телефону секретарь провинции. И говорит: «Вы в заявлении не написали, что на четыре года хотите в Россию – допишите, пожалуйста», – вот такое чудо!

Жизнь и служение в России дали мне неповторимый опыт встречи с другим менталитетом. И это мне очень нравится. Учишься тому, что бывает другой образ Церкви, который так же хорош, как и образ Церкви в твоей стране. Иногда кажется, что «все должно быть, как у нас» – но в России иначе. В Польше – огромные приходы, множество церковных групп, масштабная катехизация. А когда я приехал в Калугу, то попал в приход численностью около ста человек. И первая мысль: чем я буду тут заниматься? Но это столкновение с новым для меня всегда очень интересно: оно побуждает отказаться от ставших уже привычными своих идей, которые кажутся лучшими, и посмотреть – какая здесь Церковь, и что я здесь могу сделать...

Мне очень нравится, что в России, из-за малочисленности приходов, более ощутим опыт встречи с конкретным человеком. Я работал в Калуге, Астрахани, Петербурге – и везде приходы не такие большие, как в Польше. А потому возможно личное общение практически с каждым. Здесь, в России, мы знаем все епархии – довольно много встреч, где знакомишься с людьми. Церковь здесь возрождается, многие вещи еще не определены – и это интересный вызов для меня. Интересно то, что мы участвуем в этом процессе возрождения и становления Церкви. Еще мне очень нравится то, что Католическая Церковь в России многонациональная. Это научило меня шире смотреть на разные вещи.

Так что в России Церковь ставит передо мной новые задачи – и это очень ответственно и интересно. В целом все эти непростые обстоятельства помогли мне повзрослеть, ведь многим приходилось заниматься впервые.

Когда я приехал в Калугу, то еще только учился читать «Миссал» на русском языке, а мои проповеди с польского переводил брат Андрей Буко. Но я уже должен был полноценно включиться в служение и жизнь прихода. Вот это была школа жизни! Меня все это очень вдохновляло и вдохновляет. Для моего характера такие непредсказуемые обстоятельства и вызовы – это то, что надо! Это точно мое. ⊙

2003–2013

Празднование 10-летия служения в России Сестёр-францисканок – миссионерок из Ассизи.

4 мая 2013 года, Калуга

Сестра Джемма: «Мы живем братством»

Сестра Джемма Пак SFMA родом из Южной Кореи. Она приехала в Россию десять лет назад и все эти годы служила в монастыре Сестер-францисканок – миссионерок из Ассизи в Калуге. Это единственный на сегодняшний день монастырь конгрегации в России.

Конгрегация родилась в XVIII веке из «маленького собрания» – небольшой общины женщин-терциарок в Ассизи.

В Калуге сестры помогают кормить бедных в приходе св. Георгия Великомученика и св. Франциска Ассизского, опекают нуждающиеся семьи, проводят уроки катехизации и «каникулы с Богом», занимаются рукоделием с инвалидами.

Сестра Джемма, расскажите, пожалуйста, как вы стали сестрой-францисканкой.

В юности я совсем не думала о таком призвании. Наоборот, с детства я мечтала о том, чтобы иметь семью и четверых детей! Потом я решила, что, когда мне исполнится двадцать восемь лет, я приму окончательное решение. И еще у меня был один замысел – стать «мамой» в приемной семье. Я позвонила в организацию, которая создавала такие «семьи» для воспитания детей, но они сказали, что у них нет свободных мест. Потом я искала сестер, которые работают с инвалидами и сиротами, пошла на их встречу. Но это оказалась встреча для кандидаток в конгрегацию Сестер-францисканок – миссионерок из Ассизи. Вот так случай привел меня к ним. Сестры так любезно разговаривали со мной по телефону, так доброжелательно отвечали на все мои вопросы, что я решила ходить на ежемесячные встречи этой группы. В это время я много молилась, чтобы узнать, что же Бог хочет от меня. Чтобы я стала сестрой-монахиней? Или он пошлет мне парня, и я создам семью? Я непрестанно молилась, чтобы узнать – что же мне делать.Так что моя дорога к Богу – не очень-то прямая...

Мне было уже двадцать семь лет, и я узнала, что сестры назначили прием в монастырь на 2 января. У нас в Корее днем рождения считается первый день года, не надо ждать месяца, когда ты родился, так что, получается, мне надо было уже принять решение (ведь по-корейски мне уже было двадцать восемь).

Словно кто-то направил вас именно к сестрам... Вы родились в верующей семье?

Я родом из деревни в Южной Корее. Вместе со мной у родителей шестеро дочерей. В семье у нас все католики: и родители, и дедушки, и бабушки... Бабушка и мамочка всегда молились дома и всех нас собирали каждый вечер молиться вместе.

Что вам больше всего запомнилось за время жизни в Калуге, что было самым важным? Ведь десять лет – это большой период жизни...

Десять лет прошли быстро! Очень важно, что в монастыре мы живем братством. Даже если на улице или на работе что-то нехорошее происходит – это не так страшно. Ведь дома я могу поделиться всеми своими радостями и страданиями, вопросами и проблемами. Как-то раз был такой момент, что все сестры выехали оформлять документы, и я два месяца жила одна. Как же мне было трудно!

В приходе мы готовили чай для бездомных, зимой они его очень ждали. Когда бедные приходят к нам за чаем, они спрашивают про одежду: говорят, например, какого размера нужны сапоги или пальто. Мы помним, кому что нужно, и стараемся потом у других людей эти вещи попросить, если они им не нужны, то есть получается такая адресная помощь.

Это очень приятно делать, ведь, как говорится, давать радостнее, чем получать.

Благодаря посредничеству знакомых мы начали в местной школе-интернате занятия квилингом. Это такая форма рукоделия из бумаги. С помощью разных приемов скручивания бумаги можно делать и фигурки, и рамки для изображений. Две девушки из нашего прихода помогали мне вести эти занятия.

А позже мы начали вести такие же занятия в реабилитационном центре «Доброта» и сейчас продолжаем это делать, сестра Бернадетта тоже в этом участвует. На занятия приходят и дети, и родители.

Центр «Доброта» – для инвалидов до восемнадцати лет, а для старших, до сорока лет, существует другой центр – «Забота». И для нас была большая радость, когда родители позвали нас и в этот второй центр вести занятия.

Вы открыли что-то особенное для себя, живя в России?

Пока я жила на родине, то думала, что я хорошая, но когда выехала на миссию, то поняла, что я не такая хорошая. Оказывается, я даже могу ругаться, когда надо! Только Бог хороший. У нас есть ограничения, лишь Бог совершенен в Своей святости. А мы можем только стараться быть лучше...

А еще... Один раз летом в храме, перед алтарем, прихожане поставили много разных ваз для цветов. Будь это в самом начале моего служения, я бы навела «порядок» – лучшая ваза перед алтарем, лишнее убрала бы... Но тут я подумала: «Как хорошо, что так много разных букетов, каждый принес что-то свое...»

Что значит для вашей общины сестер молитва, как она происходит?

Утром мы молимся все вместе. Днем – индивидуально. Вечером – после Мессы и Литургии часов в приходе – тоже индивидуально. Личная молитва очень важна. Я люблю молиться без слов: я смотрю на Бога, Бог смотрит на меня. И слова не нужны, говорит сердце.

Самая любимая молитва у меня – это Розарий, я часто молюсь ею и в дороге, и в часовне...

Однажды в моей жизни был очень трудный момент: я даже собиралась уехать из России. И я попросила Бога: дай мне силы оставаться здесь столько, сколько Ты захочешь. И тут мне вспомнилась евангельская сцена, когда люди принесли больного на носилках и разобрали крышу, чтобы спустить его к Иисусу. Я поняла, что сестры молятся обо мне и своей молитвой словно «кладут» меня перед Богом... И нашлись силы пережить трудный момент, я осталась.

Совсем скоро вы едете на новое место служения – в Мексику...

Да, но я пока совсем не думаю об этом: что там будет, как... Пока надо жить здесь.

Пожелайте, пожалуйста, что-нибудь читателям нашего журнала.

Радостно проживайте каждый день вашей жизни. Пока мы живем, надо искать что-то новое, интересное, не погружаться в рутину. Живите с радостью!

Святые францисканского ордена мирян

Святая Маргарита Кортонская (1247–1297)

Мы живем в эпоху, когда людям свойственна величайшая забота о теле. Различного рода диеты, здоровое питание... И зачастую забывается, что важнее человеческая душа и ее судьба в вечности. Созерцая многочисленных святых и блаженных, мы можем прикоснуться к красоте их души.

Проповедники часто называли ее «Марией Магдалиной Францисканского Ордена».

Маргарита родилась в Италии, в деревне Лавиано. Родители ее, бедные крестьяне, в поте лица зарабатывали свой хлеб, занимаясь земледелием. В раннем детстве мать научила Маргариту прекрасной молитве: «О Господи Иисусе, дай вечное спасение тем, о которых Ты желал бы, чтобы я молилась». Мать научила бы ее большему, если бы не умерла так рано. Отец Маргариты вступил во второй брак. Девочка же не могла привыкнуть к новой ситуации. Взаимное непонимание, зависть мачехи к красоте Маргариты стали причиной несчастной жизни ребенка, а затем взрослой девушки. В своей семье Маргарита оказалась одинокой и предоставленной самой себе. Взошедшие в раннем детстве ростки благочестия не имели надлежащей почвы для дальнейшего развития. Красота Маргариты не укрылась от внимания молодого дворянина, владельца замка Монтепульчано. Маргарите было семнадцать лет, когда он увез девушку в свой замок. Роскошная жизнь там была для Маргариты лишь призраком счастья. Маргарита родила своему любовнику сына, но в сердце ее не было мира из-за противоречия между исповедуемой ею верой и греховным сожительством.

Так продолжалось вплоть до неожиданного события, которое все изменило. Однажды синьор Монтепульчано отправился на охоту и не вернулся вечером. Маргарита в тревоге ждала его в течение нескольких дней. Наконец, вернулся пес ее любовника, который жалобно выл и куда-то тянул Маргариту за платье. В страхе пошла она за псом, который повел ее в лес и остановился у груды сухих веток. Под ними Маргарита увидела тело своего убитого сожителя. Вид разлагающейся плоти навсегда изменил жизнь Маргариты. Она не только осознала, что утратила все, что имела на земле, но и задумалась о том, какова будет в вечности судьба того, с кем она делила свою жизнь в течение девяти лет. Почувствовав над собой десницу Божию, она полностью устремила свои помыслы к Богу. Взяв с собой сына, Маргарита покинула замок и вернулась в свою семью. Но здесь ее ждало разочарование – из родного дома ее выгнали. Униженная и отвергнутая, она не только смогла до конца увидеть греховность свое прежней жизни, но и найти силы и смелость избрать новый путь – покаяния и победы над грехом. Маргарита решила идти к братьям-францисканцам и просить принять ее в Третий Орден,

но у ворот монастыря услышала: «Ты слишком молода и красива». Монастырь остался закрытым для нее. Тогда она вернулась в Кортону. Тут она встретила двух дам – Маринарию и Москари, которые приютили ее в своем доме.

Поскольку ей отказали в духовном руководстве и всяком наставлении, Маргарита начала жизнь покаяния самостоятельно. Покаяние она рассматривала не как жизнь для себя, а как помощь своим ближним. Когда-то она взирала на других людей с гордыней и равнодушием, теперь же видела в страдающих и больных Христа. «Если бы я могла, то отдала бы свое сердце ближним». Несмотря на трудности и препятствия, Маргарита реализовала свое намерение. Она основала больницу для бедных. Ее вера побуждала ее не только помогать бедным, но и разделить с ними их участь.

Маргарита предавалась умерщвлению плоти и молитве. Камень заменяет ей подушку, а тело, которое было предметом ее гордости, теперь стало часто подвергаться суровым испытаниям, дабы оно служило лишь Господу. Никогда она не попробует той еды, которую готовит для своих больных. Кусочек хлеба и вода, часто заправленная пеплом, будут ее пищей.

И начинается ее диалог с Учителем и Спасителем.

«Помни, – сказал ей Господь, – что, вооруженная Моей благодатью, ты стала сильнее. Вспомни, что когда ты еще любила мир, когда жила во тьме греховной, Я, став Твоим Наставником и Учителем, одарил тебя материнским чувством к бедным и опечаленным и дал вкусить духовную сладость пребывания в одиночестве».

Укрепленная благодатью Божьей, Маргарита через три года просит Братьев Меньших:

«Отцы мои, коим я поручена Господом, не имейте ни малейшего сомнения в отношении меня. Я так люблю моего Бога, так укрепил Всемогущий мою душу, что я хотела бы провести всю жизнь в одиночестве, в пустыни, где нет ни одного творения Божьего, в надежде на Господа, взывающего ко мне...»

Настойчивая просьба Маргариты была услышана, и она, наконец, получает долгожданный хабит францисканской терциарки. Она обретает от Бога множество особых духовных даров и мистический опыт, который говорит о ее близости к Господу. Подобно святому Отцу Франциску, через покаяние, она полностью обращается к Богу и вверяется Ему. Называя Маргариту Своей дочерью и другом, Господь Иисус неустанно заверяет ее в Своей милости. В своей молитве Маргарита благодарит и восхваляет Бога, молится за всю Церковь, души в чистилище, и просит о триумфе христианской веры.

Святой Иво Бретонский (17 октября 1253 года – 19 мая 1303 года)

Иво Хелори родился в поместье Кермартен, в Бретани, на северо-западе Франции, в семье лорда поместья Хелори и его супруги Азо дю Кэнкуи. Его отец был правителем этой местности. Дом, где он издал свой первый крик, снесли в 1834 году, но кровать, в которой он родился, сохранилась до сих пор, и ее показывают как величайшую реликвию. В честь него называют многих обитателей Трегьера и Сен-Бриё.

Когда мальчику исполнилось 14 лет, родители отправили его учиться в Париж, где он начал изучать право и посещал юридические школы.

За десять лет, проведенных в столице, Иво весьма преуспел в таких науках, как философия, богословие и церковное право, и затем продолжил свое образование в Орлеане, где изучал гражданское право у знаменитого в те времена юриста – Питера де ла Шапеля.

Уже учась в университете, Иво вел строгий образ жизни. Он носил простую одежду, воздерживался от употребления мяса и вина, всегда соблюдал посты, проводя их на хлебе и воде. Его краткий отдых или сон проходили на простой соломенной циновке, а подушкой служили книга или камень.

По окончании образования Иво вернулся в Бретань. Он был назначен епархиальным судьей в Реннской епархии. В 1824 г. он был посвящен в духовный сан и получил приход в Тредриге. Затем он получил приход в Луаннеке, в котором служил до самой смерти. Иво стал известен как «защитник бедных», помогая часто не только своими прошениями в других судах, но и оплачивая судебные издержки из своего кармана и посещая заключенных в тюрьме. Святой обладал очень редким в те времена качеством – он был неподкупен.

Он всегда стремился, прежде всего, уладить дела враждующих сторон, помирив их и не доводя до суда. И таким образом очень многих он уберег от расходов на судебные тяжбы и ненужные судебные разбирательства.

В департаменте Кот-дю-Норд до сих пор, когда должник отказывается признавать свою задолженность, кредитор оплачивает службу святому Иво, надеясь, что его оппонент, не исполняющий свои

обязательства, на протяжении года умрет. Святого Иво называют еще святой Ив де Верите (Истины). Он считается покровителем юристов. Его изображают в специальной судейской шапочке и мантии.

Несмотря на то что Иво оставил юридическую практику, его по-прежнему часто приглашали быть арбитром в решении споров. Вскоре он начинает основывать специальные братства, оказывающие юридическую помощь бедным. Эти братства стали столь популярны, что распространились по всей Франции и Бельгии, достигли Рима и даже Бразилии.

Большую часть своих доходов святой Иво тратил на благотворительность. Он превратил свой дом в приют. Заботами Иво была основана больница, в которой он сам ухаживал за пациентами. О его гуманности и щедрости говорится и в других многочисленных историях. О безграничности его сострадания и пользе, которую святой приносил людям, рассказывается в истории о том, как однажды утром у своего порога он нашел полуголого бедняка, трясущегося от холода, который провел там всю ночь. Следующим вечером Иво уступил свою кровать нищему, а сам пошел спать на пороге, решив таким образом на собственном опыте понять, как чувствуют себя бедняки.

В другой раз Иво примерял у портного новый камзол и увидел на мостовой бедного человека, одетого в лохмотья, через многочисленные дыры в которых проглядывало его тело. Иво снял обновку и отдал ее нищему, сказав удивленному и испуганному портному:

«У меня много старых вещей, которые еще вполне можно носить. Я обойдусь ими».

Его сострадание и щедрость были настолько велики, что, когда святой, посещая больницу, увидел, как плохо одеты некоторые пациенты, он отдал им одежду, которая была на нем в тот день, и ждал, обернувшись в покрывало, когда ему принесут из дома другие вещи.

Иво ходил по полям, где работали крестьяне, и учил их молиться. Он сидел на пастбищах вместе с мальчиками-пастухами и учил их пользоваться четками.

Его проницательный ум служил на благо бедным не только советами. В одной из легенд говорится о том, как два мошенника принесли вдове тяжелый сундук, заявив, будто в нем лежат двести золотых, и попросили женщину присмотреть за ним. Один из них вернулся через несколько недель, потребовал назад свой ящик и забрал его. Еще через несколько дней пришел второй человек и попросил вдову отдать ему сундук, но, когда та сказала, что не может сделать это, отвел ее в суд и стал требовать, чтобы она вернула содержавшееся в нем золото. Иво, узнав, что ответчиком по этому делу является женщина, предложил стать ее адвокатом. Он заявил: его подзащитная готова вернуть золото, но только обоим его владельцам, а поэтому они должны требовать его вместе. Это разрушило все планы мошенников, которые пытались бежать, но были пойманы и в конце концов признались, что планировали вымогать у вдовы деньги, а в сундуке не было ничего, кроме железного лома.

С 1303 года здоровье Иво стало ухудшаться, но он, тем не менее, продолжал вести строгий постнический образ жизни.

Иво был настолько красноречивым проповедником, что вскоре его стали приглашать в другие

церкви, и он никогда не отказывался выполнить эту просьбу. В Страстную пятницу, накануне своей смерти, он читал проповеди в семи разных приходах.

Святой умер в возрасте пятидесяти лет и был похоронен в Трегьере. Герцог Жан V, основавший Шапель-дю-Дюк, испытывал особое уважение к святому Иво и возвел для него великолепную гробницу, которая на протяжении трехсот лет была одним из важнейших в Бретани мест паломничества.

Во время Великой французской революции усыпальница святого Иво была уничтожена, но его останки сохранились и были перезахоронены в Трегьере. До нас дошло его завещание, в котором святой просил отдать бедным все его имущество, а также принадлежавший ему требник. Эти предметы хранятся в ризнице церкви в Миниги.

Святому Иво Бретонскому посвящена церковь Сант Иво алла Сапиенца в Риме – ярчайший шедевр итальянского барокко XVII века.

Иво Бретонский был канонизирован в 1347 году Папой Климентом VI.

Святой Иво считается покровителем обездоленных и сирот, юристов, нотариусов, адвокатов и судей, а также судебных приставов и присяжных заседателей. И также – покровителем Бретани, наряду со святым Гервеем.

Блаженный Иоанн XXIII,

Папа и францисканский терциарий

(25 ноября 1881 года – 3 июня 1963 года)

Анджело Джузеппе Ронкалли, будущий Папа Иоанн XXIII, родился в многодетной крестьянской семье. Семья должна была половину своего урожая отдавать владельцу земли в селе Сотто-иль-Монте провинции Бергамо. Огромное влияние на формирование личности Анджело оказал его дядя, который одновременно был его крестным. О дяде Анджело напишет в 1959 г. в автобиографии: «Это он, не имея никакого намерения воспитать меня священником, дал мне все то, что необходимо для подготовки к священству и сану епископа и Папы. Ибо таковы были планы Провидения».

В возрасте одиннадцати лет Анджело Ронкалли поступает в семинарию в Бергамо, где заканчивает классический лицей, изучает философию и богословие. Во время обучения, 1 марта 1896 г., он вступает в Третий Францисканский Орден, годом позже приносит в нем обеты. Трудолюбивого и способного ученика настоятели посылают в Рим, в Папскую семинарию святого Аполлинария, которую он заканчивает с отличием и получает степень доктора богословия в 1904 г.

10 августа 1904 г. Ронкалли был рукоположен в священики. После этого он возвращается в свою епархию и становится секретарем епископа Джакомо Тедески (до 1914 г.), преподает в семинарии историю, патрологию и апологетику, занимается документацией курии и церковными общинами. В 1915 г. Италия вступает в Первую мировую войну, и Ронкалли призывают в армию в качестве санитара. Затем он служит капелланом в госпитале.

В 1919 г., вернувшись в свою епархию, он становится духовником семинарии.

В 1921 году начинается следующий этап его жизни: служение Апостольскому Престолу. Папа Бенедикт XV назначает его ответственным за миссии на территории Италии. В 1925 г. Папа Пий XI поручает ему должность апостольского визитатора в Болгарии. 3 марта 1925 г. Ронкалли посвящают в епископы, и в качестве девиза он выбирает слова «Oboedientia et Pax» («Послушание и мир»), которые становятся программой его пастырского служения и дипломатической деятельности. В 1935 г. он получает новое назначение – апостольским викарием в Греции.

Во время Второй мировой войны Ронкалли организует помощь голодающим и с помощью транзитных виз спасает множество евреев. В конце войны его назначают нунцием во Франции (1944).

В 1953 г. Папа Пий XII возводит Анджело Ронкалли в кардинальское достоинство и назначает патриархом Венеции. В своем «Дневнике души» будущий Папа записывает: «С радостью благословляю Господа за бедность, которая наиболее делает меня похожим на Иисуса и святого Франциска».

28 октября 1958 г., после трех дней конклава, на 77 году жизни, Анжело Ронкалли был избран 261-м преемником святого Петра. Он выбирает себе имя – Иоанн XXIII. За пять лет понтификата своей доброжелательностью и простотой он заслужил прозвище «добрый Папа».

Как Папа и епископ Анджело Ронкалли посещает приходы Римской епархии, больницы и тюрьмы, встречается с верными.

Выходец из крестьянской семьи, он сохранил до конца жизни связь с родней, с братьями, так и оставшимися крестьянами. Вопреки имевшим место случаям, когда вновь избранный Папа возвышал свою родню, Иоанн XXIII не присвоил никому из членов своей семьи дворянского звания.

Один из первых же шагов нового Папы вызвал огромное удивление во всем мире: 25 января 1959 г., через 3 месяца после своего избрания на престол, Папа объявил о решении созвать Вселенский Собор в целях обновления жизни христиан в изменившихся условиях современного мира. В присутствии 2500 епископов двадцать первый Вселенский Собор торжественно начал работу 11 октября 1962 г.

Папа Иоанн XXIII много сделал в сфере экуменизма: в 1960 г. в Ватикане был учрежден Секретариат по единству христиан. Он поддерживал установление контактов Католической Церкви с некатолическими Церквами, призывал к единству всех христиан и пригласил наблюдателей-некатоликов на Второй Ватиканский Собор.

Особое значение имели энциклики Папы «Mater et Magistra» и «Pacem in Terris», содержащие принципы социальной справедливости, рассматриваемой в общемировом масштабе.

В «Дневнике души» 30 ноября 1940 г. он написал так: «Желаю постоянно приносить внутреннюю жертву в смирении, с сердцем сокрушенным; сердцем, превращенным в пепел...» Стоит вспомнить здесь святого Франциска, который имел обыкновение молиться: «О Иисусе, сжалься надо мной, грешником».

Вблизи Сотто-иль-Монте, где родился Иоанн XXIII, находился монастырь Братьев Меньших. Папа вспоминает о нем в проповеди, произнесенной в Латеранском соборе Святого Иоанна, на Мессе по случаю 750-летия утверждения Устава Третьего Ордена, в присутствии представителей всей францисканской семьи:

«Мои глаза с детства привыкли видеть бедный монастырь Братьев Меньших в Бакканелло среди ломбардских полей, где я родился и рос. И смиренных братцев, которые идут среди этих полей собирать пожертвования, исполненных простодушной скромности, делавшей такими привлекательными святого Франциска и его сыновей...

Позволю себе заметить, что в моем столь богатом событиями путешествии по дорогам жизни, в котором я познакомился с величайшими проявлениями францисканского духа в людях прославленных, ученых и святых, украшающих во имя Серафического Отца Орден и Церковь, не было для меня ничего более сладостного, чем вернуться в Бакканелло, к той невинности, умиротворению, святой поэзии христианской жизни..»

Папа также послал в дар монастырю в Бакканелло реликвии святого Карло да Сецце, францисканского монаха-мистика, жившего в XVII веке. Карло да Сецце был автором духовных трудов, к нему обращались за советом иерархи Церкви и римская аристократия. Подобно святому Франциску, он не принял сана священника и всю жизнь работал на кухне и в огороде, собирал пожертвования.

Именно с этим монастырем Папа связывал и свое призвание к священству, которое, по его словам, он ощутил «в глубине души во время процессии, в которой торжественно несли новый прекрасный образ Матери Божьей».

В 1959 г. Папа вспоминал, что вступление в Третий Францисканский Орден совпало с принятием тонзуры: «О, что за невинная и ясная радость была в этом сочетании: францисканский терциарий и семинарист, стремящийся к священству. Эта счастливая простота, которая сопутствовала мне вплоть до ступеней алтаря, дала мне всё в этой жизни».

Простые слова, которыми Иоанн XXIII говорил о своем терциарском призвании на встречах с членами Третьего Ордена, пробуждали огромный

энтузиазм среди слушателей. Для них имело большое значение, что такой великий, удивительный человек был един с ними через узы францисканского братства.

Еще будучи семинаристом, Джузеппе Ронкалли записал в «Дневнике души»: «Завтра праздник Божьей Матери Ангельской, индульгенция в Порциункоме. И я душу свою полностью очищу и омою от грязи и попрошу доброго Иисуса, чтобы Он дал мне добродетели, которыми сиял святой Франциск Серафический, а именно: невинность, любовь и глубокое смирение. Иисусе, не оставляй меня».

Нельзя не согласиться с мнением Луиджи Сантуччи, который через год после смерти «доброго Папы» написал: «Качества, постоянно проявлявшиеся Иоанном XXIII: простота, бедность, открытость сердца и ума; упование на то, что есть доброго в человеке; поиск того, что нас соединяет прежде, чем поиск того, что разъединяет. Кажется, что величайшим учеником св. Франциска за последние сто лет был именно Папа, Папа Ронкалли. Весь мир пошел за ним. Теперь мы знаем, почему».

В день открытия Собора люди, собравшиеся на площади перед базиликой Св. Петра, еще не осознавая ценности момента, но преисполненные ожиданий, громко звали Папу. Папа появился перед ними со словами, полными поэзии и простоты.

«... Дорогие дети, я слышу ваши голоса. Мой голос – один из них, но он присоединяется к голосу всего мира. Здесь представлен весь мир. Можно сказать, что и Луна выглянула сегодня вечером, чтобы посмотреть на зрелище, которое даже базилике Св. Петра за свои четыре века истории не приходилось созерцать. Моя персона ничего не значит. Брат, который говорит с вами, стал Отцом по воле нашего Господа, но все это – братство, отцовство, благодать Божия – соединяются для нас в этот вечер в чувствах, которые всегда живут в нас и которые теперь мы выражаем перед Небом и Землей: Вера, Надежда, Милосердие, Любовь Божия, Любовь к братьям.

Возвратясь домой, вы увидите своих детей. Приласкайте их и скажите: «Это поцелуй Папы». Вы увидите слезы, которые нужно осушить, – скажите доброе слово: «Папа с нами, особенно во время грусти и горечи...»

3 сентября 2000 г. Папа Иоанн Павел II во время Мессы на площади Св. Петра беатифицировал двух Пап, принадлежавших к Третьему Францисканскому Ордену: Пия IX и Иоанна XXIII. ⊙

Материалы подготовлены московской общиной Францисканского Ордена Мирян

Книга о. Жана Леклерка «Святой Бернард и дух цистерцианцев» (Издательство Францисканцев, 2013) открывает издательскую серию «Fons Monachorum», в которой будут представлены наиболее важные моменты истории и духовности католической монашеской традиции, в том числе биографии и избранные сочинения ярчайших личностей, оказавших большое влияние на церковную и общественную жизнь своего времени.

Знаменательно, что первая книга посвящена святому Бернарду Клервоскому (1090–1153), богослову, удостоившемуся титула Учителя Церкви. В своей необыкновенно насыщенной событиями жизни он был подлинным учителем и наставником, поэтому и по сей день многие восхищаются его жизнью и трудами. Святой Бернард по следовательно осуществлял преобразования в монашеской жизни, содействовал разрешению политических конфликтов, пользуясь высочайшим авторитетом среди современников.

Предлагаем вашему вниманию фрагмент из трактата «De considerationes», написанного св. Бернардом.

Что же есть Бог?

Он есть широта, долгота, высота, глубина.

Ах вот как! – скажешь ты мне, – я застиг тебя на желании превозносить перед нами ту же четверичность, которую ты только что предавал проклятию! Ничего подобного; я предал ее проклятию и всегда предаю. Лишь поверхностно кажется, будто я говорил о нескольких вещах; на самом же деле речь идет лишь об одной-единственной. Я всего лишь хотел определить – согласно степени нашего разумения, а не тому, что есть в действительности, – Бога, Который един. Разделения же соответствуют нашему уму, а вовсе не Богу. Мы говорим о Нем разным образом; идем к Не-

Рисунок Владимира Черняева

му множеством разных путей, но у всех у них единое направление, и все они подразумевают единого Бога.

О нет, не разделения Божественной сущности выражают те четыре слова, которые я только что употребил; и не размеры, какие мы видим у тел, и не различные лица, подобно Лицам Троицы, Которым мы поклоняемся. Это и не перечисление свойств, подобных тем, что мы признаем у этих Лиц, хотя они и не отличны от последних. Смысл их совсем иной. Каждое из этих слов, определяющих Бога, представляет собой не что иное, как их совокупность; а их совокупность, в свою очередь, представляет собой не что иное, как каждое из них по отдельности. Мы сами неспособны достичь простоты Бога! Можем ли мы притязать постичь Его единство? Ведь нашему уму Он представляется как четверица. А видимость сию производит то, что ныне нам не дозволено видеть Бога иначе, как посредством отражений и символов.

Однако когда мы увидим Его лицом к лицу, мы увидим Его, как Он есть. В тот день мы воистину сможем опереться на непрочный посох своего разума так сильно, как нам заблагорассудится; ибо тогда он не будет сломлен и не разобьется на части. Он обретет лишь большую крепость и связность, он будет устроиться по образу Божия единства, или, вернее, Единства как такового; так что единый образ будет отражать образ Единого. Узрев же Бога как Он есть, мы уподобимся Ему (1 Ин 3, 2). О блаженная будущность! Ведь именно помышляя о ней, воздыхал, и разумно, тот, который воскликнул: «Я буду искать лица Твоего, Господи; не скрой от меня лица Твоего!» (Пс 26, 8).

А раз наша доля – искать, вплоть до пришествия нового порядка, то, за неимением лучшего, взойдем на эту квадригу. Сия повозка нам, немощным и увечным, необходима. Поглядим, сумеем ли мы хоть тогда уловить смысл уловившего нас, то есть этой квадриги, которая нас везет.

Ведь ее погонщик сам первым указал, как употреблять ее, и дал нам наставление: по его словам, нам следует «постигать со всеми святыми, что широта и долгота, и глубина и высота» (Еф 3, 18).

«Постигать», – говорит святой Павел, а не «познавать». Ведь нам не следует ограничивать свои искания знанием; нам следует стремиться к плоду всех сил наших. Плод же – не в знании, а в труде постижения. Впрочем, как сказал другой Апостол: «Кто разумеет делать добро и не делает, тому грех» (Иак 4, 17). А святой Павел в еще одном своем послании дает совет: «Бегущие на ристалище бегут... чтобы получить награду. Бегите же, чтобы получить»[1] (см. 1 Кор 9, 24). Но что же следует разуметь под словом «постичь»? Теперь я это разъясню.

Что же есть Бог? Бог, говорю я, есть долгота. А что такое долгота? Вечность, долгота которой такова, что она не знает пределов ни во времени, ни в пространстве.

Бог есть также широта. А что такое широта? Любовь милующая. Но и тут – как нам вместить в пределы любовь Бога, Который «не сотворил бы ничего, если бы что ненавидел» (см. Прем 11, 25). Ибо Он «повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Мф 5, 45). Так что Бог отверзает утробу Свою даже врагам. Но, не довольствуясь и этим, он простирает Свою любовь до бесконечности. И любовь эта превосходит не только все, что может чувствовать сердце, но и все, что может разуметь ум. Так и говорит Апостол, прибавляя: «... и уразуметь превосходящую разумение любовь Христову» (Еф 3, 19).

Что еще мне сказать тебе? Любовь эта вечна. Или, лучше говоря, она и есть вечность. Как видишь, широта Божия столь же велика, как и Его долгота. Усмотри же, что между ними не равенство, а тождество: одна есть то же, что вторая; и каждая из них представляет собой не что иное, как совокупность обеих; а совокупность эта – не что иное, как каждая в отдельности.

Да, Бог есть вечность, как Он есть любовь. Он – долгота без протяжения, широта без расширения. В том и другом случае Он превосходит тесные пределы пространства и времени, но свободой Своего ес-

[1] Здесь есть игра слов: «получить» или «достичь» – и «постичь».

тества, а не необъятностью сущности. Потому безмерен Сотворивший все мерою, но, как бы безмерен Он ни был, Он остается мерой этой необъятности.

Итак, что же есть Бог? Он есть высота и глубина. Высотой он превышает все, глубиною – всего глубже. В самом деле, очевидно, что в Божественном единстве равновесие не может уклониться ни в одну, ни в другую сторону. С какой стороны его ни исследуй, оно твердо в своей неколебимости, недвижимо в своей неизменности.

Знай же, что высота есть могущество Божие, а глубина – Его премудрость. Между обеими имеется точнейшее соответствие, ибо, как нам известно, высота Божия столь же неприступна, сколь глубина Его неисследима. Вот тут-то святой Павел и воскликнул в восхищении: «О бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!» (Рим 11, 33).

Да, как бы мы ни исследовали совершенное единство премудрости и ведения в Боге и с Богом, какая радость для нас – воскликнуть вместе со святым Павлом: «О премудрость, исполненная силы, могущественно всего достигающая; о сила, исполненная премудрости, милостиво все устрояющая» (ср. Прем 8, 1).

Тут есть лишь единое и одно и то же, множественное по плодам, различное по действию. И это единое есть одновременно долгота в силу своей вечности, широта в силу любви своей, высота в силу могущества и глубина из-за премудрости.

Мы знаем все это. Но значит ли это, что мы постигли? Ибо постигается это не рассуждениями, но святостью, и все равно лишь в ту меру, в какую можно постичь непостижимое.

Однако, если бы было невозможно постичь их, Апостол не сказал бы, что мы должны «постигать со всеми святыми» (Еф 3, 18). Святые, стало быть, их постигают. Знаешь ли ты, как? Если ты свят, то уже уразумел это, и тебе нечему более учиться; если же не свят, стань святым, и да просветит тебя твой опыт.

Святым делает святое расположение сердца. Его же составляют два чувствования: святой страх Божий и святая любовь к Нему. Душа, вся проникнутая ими, имеет как бы две руки, позволяющие ей уловить, охватить, обнять, удержать. Она тоже может воскликнуть: «Ухватилась за него, и не отпустила его» (Песн 3, 4).

Страх соответствует как раз тому, что есть высота и глубина, как любовь – тому, что есть широта и долгота. Есть ли что более внушающее страх, чем неотразимое могущество? Или чем премудрость, которую ничем не обмануть? Бог был бы менее достоин страха, если бы ему недоставало одного или другого. Но поскольку это не так, никогда не переставай бояться Того, Чье око всевидяще и Чья рука всемогуща. Подобным образом, есть ли что более любезное, чем любовь, которая побуждает тебя любить и быть любимым? Если же к любви сей добавляется вечность, она становится еще любезнее, ибо уверенность в том, что ей нет конца, избавляет от всякого сомнения. Так что люби с верностью и терпением, и ты уловишь, что есть долгота; распространи любовь свою на врагов твоих – и овладеешь широтой. Бодрствуй в страхе Божием и во всяком усердии, и ты постигнешь, что есть высота и глубина.

Однако если ты предпочитаешь, чтобы четыре расположения в твоей душе обрели соответствие в четырех словах нашего определения Бога, то тебе надлежит воспитывать в себе поклонение, страх, ревность и терпение. Нет сомнения, что превосходное величие Божие должно производить в нас поклонение, глубина его судов должна вызывать страх. Его любовь рождает ревность, а Его вечность – терпение в скорбях. Можно ли восхититься более, нежели созерцая Божественное величие? Можно ли сильнее убояться, нежели исследуя глубины Его премудрости? Можно ли более возгореться ревностью, чем помышляя о Его любви? И можно ли более доказать свое терпение и постоянство в любви, чем томясь жаждой этой вечной любви? Да, наше постоянство есть как бы прообраз этой вечности. Оно – единственная добродетель, которой будет вновь дарована вечность; или, лучше сказать, это она вновь дарует человеку состояние вечности, которое он утратил. Ведь Сам Господь говорит нам: «Претерпевший до конца спасется» (Мф 10, 22).

(De considerationes, cv., n. 27–31)

«Брат Солнце»
Централизованная Религиозная Организация
Католический Орден Францисканцев в России
123100 Москва, Шмитовский проезд, 2, стр. 2
Тел./факс: (495) 605 44 93; e-mail: bratsolnce@francis.ru

Над номером работали:
о. Николай Дубинин OFMConv (главный редактор),
Мария Таривердиева (выпускающий редактор),
Игорь Баранов, Иван Сердюков

Переводы:
Станислава Зонова, Сергей Колесников

Фотографии номера:
Бр. В. Франковский OFMConv,
бр. А. Косенко OFMConv, М. Таривердиева,
Т. Шишова

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение авторов статей не всегда совпадает
с мнением редакции.

**© Централизованная
Религиозная Организация
Католический Орден
Францисканцев в России**

При перепечатке ссылка обязательна.
Издается с разрешения церковных властей.
Журнал зарегистрирован в Комитете по печати РФ.
Свидетельство ПИ № ФС77–29159 от 17.08.2007 г.

Устали от множества дел и суеты?
Мечтаете побыть в тишине, чтобы понять — куда идти дальше?
Хотите углубить свою молитвенную жизнь?

ПРИГЛАШАЕМ НА ДУХОВНЫЕ УПРАЖНЕНИЯ

С ФРАНЦИСКАНЦАМИ

в монастыре Св. Антония Чудотворца в Санкт-Петербурге

Подробная информация – на сайте

францисканцы.рф

в разделе «Духовные упражнения»

Издательство Францисканцев
представляет:

Марек Скварницкий
Интенсивная терапия

Двуязычный сборник стихов современного польского поэта, произведения которого до сих пор выходили в России лишь в журнальных публикациях.

Ян Твардовский
Всем детям Божиим

Книга для детей, написанная популярнейшим польским поэтом и священником. Автор говорит об основах веры оригинальным, ярким языком.

Жан Леклерк
Святой Бернард и дух цистерцианцев

Жизнеописание и избранные тексты святого Бернарда Клервоского (1090–1153), удостоившегося титула Учителя Церкви.